Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ, № 426.

МИНИНЪ и ПОЖАРСКІЙ

или

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ ОТЪ ПОЛЯКОВЪ

въ 1612 году.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

Е. Тихомирова.

МОСКВА.
Типографія Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ, Моховая, домъ Торлецкой.
1885.

Дозволено цензурою. Москва, 29 Марта 1885 года.

О Русь святая! ты пережила
Тяжелую годину испытаній.
Но, чашу горькую испивъ страданій,
Ты духомъ воспрянула и ожила.

Послѣ нежданно-страшнаго и долго памятнаго татарскаго погрома въ первой половинѣ XIII вѣка, земля Русская не переживала никогда такого печальнаго и такого роковаго времени, какъ въ такъ называемое *смутное время*, или въ *лихолѣтье*, когда государственная жизнь Русскаго народа была потрясена до послѣднихъ основъ, когда отечеству нашему угрожала близкая опасность сдѣлаться добычею враждебныхъ сосѣдей. Оно избѣжало этой опасности и не изнемогло въ трудной борьбѣ, благодаря религіозно-патріотическому одушевленію лучшихъ сыновъ своихъ и вызванному ими всеобщему подъему народнаго духа.

Въ 1598 году царь Ѳеодоръ Іоанновичъ скончался бездѣтнымъ, и престолъ его занялъ шуринъ его Борисъ Годуновъ, добившійся вѣнца хитростью, происками и убійствомъ законнаго наслѣдника престола, младшаго сына Іоанна Грознаго, царевича Димитрія.

Съ воцареніемъ Бориса Годунова для Русской земли, казалось, настала золотая пора. „Наружностью и умомъ онъ (по словамъ современника) всѣхъ людей превосходилъ, много устроилъ въ Русскомъ государствѣ по-

хвальныхъ вещей. Былъ онъ свѣтлодушенъ, милостивъ и нищелюбивъ.“ Но народъ видѣлъ въ немъ цареубійцу, и никакими щедротами не могъ онъ купить народной любви. Съ другой стороны многимъ знатнымъ боярамъ была невыносима мысль, что Годуновъ, человѣкъ незнатный родомъ, да вдобавокъ потомокъ природнаго татарина—царь, и имъ, потомкамъ Рюрика и Гедимина, приходится преклоняться предъ нимъ. Князья Шуйскіе, Бѣльскіе, Голицыны и въ особенности Романовы могли считать себя по своей родовитости болѣе достойными, чѣмъ Годуновъ, занять престолъ. Борисъ зналъ, что у него много недоброхотовъ, и душу его волновала вѣчная боязнь и мелкая подозрительность. При немъ постоянно было нѣсколько иноземныхъ врачей. Его окружала вѣрная нѣмецкая стража, осыпанная царскими милостями. Онъ придумалъ даже особую молитву о своемъ здравіи и приказалъ громогласно читать ее всюду на пирахъ, когда пили за здравіе царя. Главною цѣлію его жизни стало—охранить себя отъ всякой опасности и утвердить на престолѣ свой родъ.

Но вотъ въ 1600 году начали носиться темные слухи, будто царевичъ Димитрій не убитъ въ Угличѣ, а спасенъ близкими людьми, будто вмѣсто него погибъ другой, сходный съ нимъ ребенокъ. Слухъ этотъ долженъ былъ страшно поразить Бориса. Всѣ его завѣтныя мечты разбивались объ ужасное для него имя Димитрія. Что дѣлать, если царевичъ дѣйствительно спасся отъ убійцъ? А Борисъ не могъ быть увѣренъ непоколебимо въ томъ, что этого не могло случиться: вѣдь онъ своими глазами не видѣлъ тѣла Димитрія. Если сынъ Грознаго живъ, то ему, Борису, придется сойти съ престола. Если даже и нѣтъ царевича въ живыхъ, а нашелся дерзкій самозванецъ, назвавшійся его именемъ, то и онъ—очень опасный врагъ для Бориса, у кото-

раго было довольно враговъ и въ средѣ бояръ, и въ простомъ народѣ. Борисъ понялъ, что ему готовится страшный ударъ. Но кто такое его врагъ, гдѣ онъ и существуетъ ли на самомъ дѣлѣ, или же онъ созданъ лишь враждебною молвой, — ничего этого Борисъ не зналъ. Положеніе его было крайне затруднительное. Ему надо было искать невѣдомаго врага, не обнаруживая, кого именно онъ ищетъ. Покажи онъ явно, что ему страшно имя Димитрія (настоящаго или мнимаго), и враги не замедлятъ воспользоваться этимъ и создадутъ самозванца, если его еще нѣтъ. Надо было казаться спокойнымъ и тайно выслѣдить опасность. Борисъ зналъ, что вражда къ нему особенно сильна въ средѣ бояръ. Надъ ними надо было усилить тайный надзоръ. И вотъ онъ окружилъ себя шайкою доносчиковъ и наушниковъ. По самому пустому подозрѣнію, по первому доносу, начинаются розыски, пытки, мученія. За доносы и даже за клеветы щедро награждали, и эта язва росла не по днямъ, а по часамъ. „Настала у Бориса въ царствѣ великая смута, доносили и попы, и дьяконы, и чернецы, и черницы, и проскурницы, жены—на мужьевъ, дѣти на отцовъ, отцы на дѣтей. За доносами слѣдовали пытки, лишенія имущества, ссылки.“ Явныхъ казней не было, но за то въ полномъ ходу были тайныя убійства. Много „тѣсноты и обидъ“ испыталъ народъ, много было захвачено и перемучено людей, ни въ чемъ не виноватыхъ. Въ числѣ прочихъ бояръ пострадали въ особенности Романовы. Старшій и самый даровитый изъ нихъ, Ѳеодоръ Никитичъ, былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Филарета.

Къ этой „великой смутѣ“ присоединилось еще зло другаго рода: отечество наше постигли страшныя бѣдствія—голодъ и моровое повѣтріе. Въ продолженіе

трехъ лѣтъ (начиная отъ 1601 года) были неурожаи. Народъ сталъ голодать. Многіе мелкіе землевладѣльцы, не видя возможности прокармливать многочисленную дворню, прогоняли отъ себя своихъ холоповъ, увеличивавшихъ собою толпы голодныхъ нищихъ. Черный людъ и бѣдняки стали мереть съ голоду. Царь велѣлъ открыть свои житницы, продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, а бѣднякамъ раздавать деньги. Но между раздающими деньги нашлось много людей безсовѣстныхъ, не стыдившихся утягивать гроши у нищихъ, умирающихъ съ голоду: при раздачѣ милостыни являлись одѣтые въ лохмотья родичи и пріятели раздающихъ, а настоящіе нищіе, калѣки, немощные и дотолпиться не могли. Несчастные ѣли сѣно, солому, собакъ, кошекъ, мышей, падаль. Цѣлыми сотнями ежедневно умиралъ по улицамъ голодный людъ. Стали ходить ужасные слухи, будто иные, обезумѣвшіе отъ голода, пожирали человѣческое мясо... Начался страшный моръ. Въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло нѣсколько сотъ тысячъ народу отъ голода и мора. „И премѣнились тогда (говоритъ современникъ) жилища человѣческія въ жилища дикихъ звѣрей: медвѣди, волки и лисицы стали обитать на мѣстахъ селъ человѣческихъ, и хищныя птицы изъ дремучихъ лѣсовъ слетались надъ грудами человѣческихъ труповъ, и горы могилъ воздвигались на Руси“ (Авраамій Палицынъ).

Голодъ и моръ сопровождались грабежами и разбоями. Отъ разбойничьихъ шаекъ не было проѣзду не только въ глухихъ мѣстахъ, но и по большимъ дорогамъ, даже подъ самой Москвой. Атаманъ одной многочисленной разбойничьей шайки, Хлопка Косолапъ, задумалъ даже сдѣлать набѣгъ на самую Москву, такъ что пришлось выслать противъ разбойниковъ цѣлое войско.

Но настоящимъ гнѣздомъ и притономъ людей, подобныхъ Хлопкѣ Косолапу и его товарищамъ, была Сѣверская украйна (нынѣшнія губерніи Черниговская, Курская и Орловская), куда уходили толпы холоповъ, выгнанныхъ господами, вмѣстѣ съ бѣглыми крестьянами (не задолго передъ этимъ окончательно прикрѣпленными къ землѣ и къ господамъ), гдѣ находили себѣ пристанище всѣ обиженные, недовольные, безпокойные, безпріютные. Здѣсь скоплялось все больше и больше разнаго недовольнаго, озлобленнаго люда, отбившагося отъ мирнаго труда. Здѣсь любой дерзкій проходимецъ могъ навербовать себѣ цѣлыя полчища лихихъ людей, готовыхъ ради корысти на всякое дѣло. Среди этого гуляющаго, безпокойнаго люда уже ходила молва о томъ, что въ Польшѣ явился царевичъ Димитрій, который намѣренъ воевать за отцовское наслѣдіе съ Борисомъ.

И молва эта не была совсѣмъ неосновательна.

Въ 1603 году въ Польшѣ дѣйствительно явился человѣкъ, выдававшій себя за царевича Димитрія, спасшагося въ Угличѣ отъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. *) Онъ былъ еще молодъ (лѣтъ 20-ти съ небольшимъ) и неказистъ съ виду, но отличался удальствомъ и живымъ, увлекающимся характеромъ. Этотъ-то московскій удалецъ нашелъ радушный пріемъ у влі-

---

*) До сихъ поръ не разъяснено еще окончательно, кто именно былъ первый самозванецъ. Нѣкоторые думаютъ, что явившійся въ Польшѣ царевичъ Димитрій былъ дерзкій самозванецъ, и полагаютъ, что на самомъ дѣлѣ онъ былъ бѣглый инокъ Гришка Отрепьевъ, родомъ изъ мелкихъ дворянъ. Но вѣрнѣе предположить, что бояре, враги Бориса, убѣдили какого-нибудь безроднаго, но честолюбиваго и предпріимчиваго юношу въ томъ, что онъ—царевичъ Димитрій, и тотъ съ полной вѣрой въ правоту своего дѣла шелъ на Бориса. Съ другой стороны несомнѣнно, что истинный царевичъ Димитрій былъ убитъ въ Угличѣ, и соперникъ Бориса былъ Лжедимитрій, хотя самъ и не сознавалъ этого“ (*В. Д. Сиповскій*, Родная Старина. Выпускъ II. 1882 г., стр. 318).

ятельныхъ польскихъ вельможъ, князей Вишневецкихъ, и сошелся затѣмъ съ сендомирскимъ воеводою, Юріемъ Мнишкомъ. При содѣйствіи іезуитовъ, давно уже искавшихъ случая ввести въ Московскомъ государствѣ католическую религію, и подъ покровительствомъ (хотя и не гласнымъ) польскаго короля Сигизмунда III, самозванецъ успѣлъ набрать небольшое войско изъ праздной воинственной польской шляхты (мелкихъ дворянъ), къ которому присоединились разные московскіе бѣглецы и нѣсколько тысячъ запорожскихъ казаковъ. 16 октября 1604 года Лжедимитрій съ своимъ небольшимъ отрядомъ перешелъ Днѣпръ и вступилъ въ русскіе предѣлы. Украинскіе города одинъ за другимъ отворяли ему ворота, какъ законному государю. Сопротивленіе оказалъ только Новгородъ Сѣверскій, въ которомъ начальствовалъ мужественный воевода Петръ Басмановъ. Вслѣдъ затѣмъ самозванецъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ Сѣвскомъ, и положеніе его было очень плохо. Но московскіе воеводы не воспользовались своею побѣдою и дали ему время опять оправиться и усилиться. Вдругъ распространилась вѣсть, что царь Борисъ внезапно скончался (13 апрѣля 1605 года). Жители Москвы, по призыву патріарха, спокойно присягнули шестнадцатилѣтнему Ѳедору Борисовичу и матери его, при чемъ клялись: „къ вору, который называется княземъ Димитріемъ Углицкимъ, не приставать". Новый царь главнымъ начальникомъ войска назначилъ Басманова, на котораго, казалось, можно было вполнѣ положиться. Между тѣмъ въ Сѣверщинѣ народъ все болѣе и болѣе переходилъ на сторону самозванца. Видя кругомъ себя колебаніе и неохоту сражаться противъ Лжедимитрія, Басмановъ измѣнилъ своему законному государю и перешелъ на сторону его соперника; примѣру вождя послѣдовало и все войско. Нѣсколько измѣнни-

ковъ отправились въ столицу, возмутили ея жителей, и Годуновы были низвержены. 20-го іюня самозванецъ съ торжествомъ вступилъ въ Москву. Но недолго—всего только 11 мѣсяцевъ поцарствовалъ самозванный царь: его погубила легкомысленная самоувѣренность, презрѣніе къ старымъ русскимъ обычаямъ и дружба съ поляками и іезуитами. (Между прочимъ, онъ вступилъ въ бракъ съ католичкою Мариною Мнишекъ, и вѣнчаніе происходило 8-го мая, въ четвергъ на пятницу, подъ Николинъ день). Бояре, принявшіе сторону самозванца только для того, чтобы низложить Годуновыхъ, воспользовались неудовольствіемъ народнымъ противъ Лжедимитрія и составили противъ него заговоръ, главнымъ руководителемъ котораго былъ Василій Ивановичъ Шуйскій. 17-го мая 1606 года рано поутру заговорщики ворвались съ толпою народа въ Кремль, и мнимый сынъ Грознаго былъ убитъ. Царемъ объявленъ былъ Шуйскій. Возведенный на престолъ толпою своихъ приверженцевъ, а не великою земскою думою, Шуйскій сдѣлалъ многія уступки боярамъ и далъ клятву не предпринимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта. Это обязательство ограничивало его самодержавную власть и произвело въ народѣ неблагопріятное впечатлѣніе. Народъ видѣлъ въ Шуйскомъ не настоящаго царя, а только *полуцаря* или *боярскаго царя*. Скупой, нерѣшительный и неискусный въ управленіи государствомъ, Шуйскій скоро заслужилъ общее нерасположеніе. И вотъ уже во второй годъ его царствованія сталъ распространяться слухъ, будто Лжедимитрій спасся въ Москвѣ отъ смерти и опять нашелъ убѣжище въ Литвѣ. Василій Ивановичъ думалъ, что самымъ лучшимъ средствомъ противъ самозванцевъ, прикрывающихся именемъ Димитрія, будетъ перенесеніе въ Москву мощей св. царевича. 3-го іюня мощи царевича съ большимъ торжест-

вомъ внесены были въ столицу. Самъ царь по всей Москвѣ несъ ихъ до архангельскаго собора, причемъ прославляли святость невиннаго младенца, погибшаго подъ ножами убійцъ. Но это чествованіе Димитрія напоминало народу вѣроломство и криводушіе самого царя: въ Москвѣ помнили очень хорошо, какъ онъ свидѣтельствовалъ всенародно въ 1591 году, что царевичъ самъ умертвилъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни.

Первое возстаніе въ пользу мнимо-спасеннаго царевича произошло опять въ Сѣверской украйнѣ, которую на этотъ разъ возмутилъ путивльскій воевода, князь Шаховской. Однимъ изъ начальниковъ возстанія явился Иванъ Болотниковъ, бывшій прежде холопомъ, а теперь только-что воротившійся изъ татарскаго плѣна. Набравъ войско изъ казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холопей, онъ разбилъ царскихъ воеводъ и подступилъ къ Москвѣ. Съ нимъ соединились рязанскіе мятежники подъ начальствомъ дворянина Прокопія Ляпунова и воеводы Сунбулова. Но Ляпуновъ и Сунбуловъ скоро помирились съ царемъ; а Болотниковъ, разбитый царскимъ племянникомъ Михаиломъ Скопинымъ, заперся въ Тулѣ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и однимъ казацкимъ самозванцемъ, называвшимъ себя сыномъ Ѳеодора Іоановича, Петромъ. Царь собралъ большое войско и лично осадилъ Тулу. Угрожаемые голодною смертію, мятежники сдались. Болотниковъ и Лжепетръ были казнены; а главный зачинщикъ возстанія Шаховской, какъ бояринъ, былъ только сосланъ. Наконецъ въ Стародубѣ-Сѣверскомъ явился и новый Лжедимитрій (Лжедимитрій II) во главѣ буйной вольницы изъ бѣглыхъ крестьянъ и холопей. *) Къ нему присоединились

---

*) Кто былъ этотъ второй Лжедимитрій,—трудно сказать, по разнорѣчивости извѣстій объ немъ. По наиболѣе вѣроятному сказанію, онъ былъ родомъ изъ

казаки и поляки подъ начальствомъ гетмана (главнаго начальника войска) Рожинскаго. Самозванецъ расположился въ 12-ти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ, откуда и получилъ прозванiе *Тушинскаго вора*. Сюда насильно привезли къ мнимому ея мужу и несчастную Марину Мнишекъ. Между тѣмъ какъ Тушинскiй воръ съ Рожинскимъ стояли подъ Москвою, силясь овладѣть ею, литовскiе налеты (наѣздники), Сапѣга и Лисовскiй, занялись осадою Троицкой Лавры, въ надеждѣ воспользоваться ея прославленными богатствами. Но монахи съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ (троицкiе сидѣльцы) цѣлые 16 мѣсяцевъ оборонялись отъ непрiятелей и, съ помощiею Божiею, отстояли святую Лавру. Въ то же время легкiе тушинскiе отряды, разсѣявшись по всему государству, приводили города, одинъ за другимъ, въ подданство самозванцу. Тушинскiй лагерь скоро превратился въ цѣлый городъ. Въ самой Москвѣ нельзя было положиться на вѣрность ратныхъ людей: многiе, ради жалованья или высшаго титула, переходили на службу къ Тушинскому *царику*, а потомъ возвращались къ Московскому *полуцарю* съ изъявленiемъ мнимаго раскаянiя, не стыдясь по нѣскольку разъ повторять эту измѣну (такихъ въ насмѣшку называли *перелетами*). Смятенiе во всемъ государствѣ было несказанное: все дышало крамолой и измѣной, вездѣ было броженiе и шатость. Въ такомъ страшномъ положенiи царь Василiй рѣшился искать иноземной помощи: онъ послалъ своего племянника Скопина въ Новгородъ просить помощи у шведскаго короля Карла IX. Шведскiй король, опасаясь господства поляковъ въ Россiи, отправилъ на подмогу царю московско-

---

Стародуба, по происхожденiю поповичъ. Во всякомъ случаѣ это былъ хитрый и смѣлый самозванецъ.

му 5000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Делагарди. Шведское войско соединилось съ ополченіемъ, набраннымъ Скопинымъ въ сѣверо-западной Руси, и двинулось на очищеніе государства отъ тушинцевъ. Вскорѣ дѣла приняли оборотъ благопріятный для Шуйскаго: отпавшія области снова признали его царемъ. Скопинъ-Шуйскій разбилъ Сапѣгу при Колязинѣ монастырѣ и собирался разметать Тушинскій лагерь. Когда польскій король Сигизмундъ III подступилъ къ Смоленску, поляки, бывшіе съ самозванцемъ въ Тушинѣ, перешли къ своему королю. Тушинскій воръ убѣжалъ въ Калугу, куда вслѣдъ за нимъ прискакала и злополучная Марина, переодѣтая гусаромъ. Тогда Рожинскій сжегъ лагерь и отступилъ съ поляками на западъ. Казаки, многіе русскіе измѣнники, холопы и бѣглые крестьяне опять пристали къ самозванцу. Между тѣмъ Московское государство стало оправляться. Герой Скопинъ, съ восторгомъ встрѣченный москвичами какъ избавитель, готовился идти на Сигизмунда подъ Смоленскъ, но вдругъ занемогъ и умеръ, отравленный, по свидѣтельству современниковъ, на пиру у князя Воротынскаго женою царскаго боярина Димитрія Шуйскаго (надѣявшагося наслѣдовать престолъ послѣ бездѣтнаго Василія и видѣвшаго въ общемъ любимицѣ—племянникѣ соперника себѣ). По смерти Скопина, царь Василій сталъ еще ненавистнѣе народу. Когда же въ Москву пришла вѣсть о пораженіи близь деревни Клушина гетманомъ Жолкѣвскимъ царскаго войска, отправленнаго подъ начальствомъ Димитрія Шуйскаго, столица, взволнованная Захаріемъ Ляпуновымъ (братомъ Прокопія), возмутилась. Василія низложили съ престола (1610 г.). Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ насильно постриженъ въ монахи и заключенъ въ Чудовъ монастырь.

Наступило безгосударное время. Правительственная власть перешла въ руки верховной думы, состоявшей изъ семи бояръ („семибоярщина“), между которыми первымъ былъ князь Мстиславскій. Надлежало прежде всего рѣшить, кому быть царемъ. Но тутъ обнаружилось сильное разногласіе: нѣкоторые держали сторону Тушинскаго Лжедимитрія; патріархъ Гермогенъ (возведенный въ патріаршій санъ при Василіи Шуйскомъ) совѣтовалъ избрать государя изъ среды русскихъ бояръ; верховная дума предлагала пригласить на царство Владислава, сына польскаго короля Сигизмунда. Появленіе гетмана Жолкѣвскаго съ войскомъ подъ стѣнами Москвы рѣшило спорный вопросъ въ пользу королевича. Бояре вступили въ сношеніе съ Жолкѣвскимъ и согласились присягнуть Владиславу, однако, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ принялъ православную вѣру, женился на русской и правилъ съ властію, ограниченною боярами и высшимъ духовенствомъ. Для окончательнаго рѣшенія дѣла отправлено было къ польскому королю посольство, во главѣ котораго находились князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Ростовскій митрополитъ Филаретъ. *) Гетманъ Жолкѣвскій, съ согласія бояръ, занялъ столицу съ своимъ войскомъ; но узнавъ, что Сигизмундъ желаетъ самъ быть царемъ Московскимъ, немедленно уѣхалъ подъ Смоленскъ, оставивъ въ Москвѣ гарнизонъ подъ начальствомъ Гонсѣвскаго. Между тѣмъ русскіе послы вели подъ Смоленскомъ безполезные переговоры съ польскими вельможами, которые въ первую голову требовали непремѣнной сдачи Смоленска, осаждаемаго Сигизмундомъ. Такъ какъ послы наши никакъ не хотѣли согла-

*) Прежде бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. Въ царствованіе сына его Михаила Ѳеодоровича онъ получилъ санъ патріарха всероссійскаго.

ситься на это, то Сигизмундъ, объявивъ ихъ плѣнниками, отправилъ въ Польшу, куда отвезли также и бывшаго царя Василія съ братьями. Почти въ то же время Тушинскій самозванецъ былъ застрѣленъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ (крещеннымъ татариномъ Урусовымъ). Смерть его развязала руки тѣмъ изъ русскихъ, которые согласились признать царемъ Владислава только изъ страха ко второму Лжедимитрію. Притомъ же вѣсть о замыслахъ Сигизмунда, яраго католика, возбуждала въ Москвѣ общій ропотъ.

Патріархъ Гермогенъ, „начальный человѣкъ", въ это безгосударное время, разослалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ призывалъ ратныхъ людей на защиту вѣры и отечества. Составилось ополченіе. Дружины 25-ти городовъ подступили къ Москвѣ. Къ нимъ присоединилась служившая прежде Тушинскому вору казацкая вольница, подъ начальствомъ Трубецкаго, Заруцкаго и другихъ предводителей. Ополченіе, подступивъ къ Москвѣ, на ея мѣстѣ нашло одно пепелище, среди котораго возвышались стѣны Кремля и Китая-города: на страстной недѣлѣ (1611 г.) поляки, тѣснимые взбунтовавшимися противъ нихъ москвичами, сожгли столицу. Польскій гарнизонъ крѣпко засѣлъ въ стѣнахъ Кремля и Китая-города и мужественно выдерживалъ осаду русскаго ополченія, подступавшаго въ числѣ 100,000 человѣкъ.

Установлено было временное правительство. Съ общаго согласія, начальство надъ войскомъ и управленіе государственными дѣлами приняли на себя трое вождей: князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, Иванъ Мартыновичъ Заруцкій и думный дворянинъ Прокофій Петровичъ Ляпуновъ. Но эти вожди постоянно ссорились между собою. По уму и горячей преданности общему дѣлу изъ нихъ выдавался особенно Ляпуновъ. Но онъ

возбудилъ противъ себя неудовольствіе своимъ крутымъ нравомъ и неуступчивостью. Особенно ненавистенъ онъ сталъ казакамъ, которыхъ строго преслѣдовалъ за буйство и грабежи. Этою ненавистью казаковъ воспользовался Гонсѣвскій, чтобы погубить Ляпунова, какъ человѣка наиболѣе опаснаго для поляковъ: онъ переслалъ въ казацкій станъ подложную грамоту, написанную отъ имени Ляпунова и заключавшую въ себѣ приказъ истреблять казаковъ. Казаки, по своему обычаю, собрались въ кругъ, призвали Ляпунова къ отвѣту и изрубили его саблями. Со смертію главнаго вождя земское ополченіе разстроилось: дворяне разъѣхались по домамъ; а казаки, хотя и остались подъ стѣнами столицы, но занимались болѣе грабежемъ сосѣднихъ областей, нежели осадой. Бѣда за бѣдой обрушивалась надъ Русской землей. Смоленскъ, послѣ 20-ти мѣсячной доблестной обороны, сдался Сигизмунду. Новгородъ, еще не забывшій своей древней политической независимости, отдѣлился отъ Москвы и отдался подъ покровительство Швеціи. Псковъ (въ которомъ въ смутное время происходила борьба между лучшими гражданами, сторонниками московскаго правительства, и меньшими людьми, приверженцами казацкой вольницы и простонародья) призналъ царемъ Лжедимитрія III (бывшаго дьякона Исидора, по другимъ извѣстіямъ—московскаго дьякона Матвѣя). Въ разныхъ мѣстахъ появились отряды шишей (партизановъ). Казань присягнула сыну Марины (отъ втораго Лжедимитрія). Въ Астрахани происходили сильныя смуты и являлись, одинъ за другимъ, самозванцы. Съ полудня набѣгали на Русскія земли татары. На востокѣ взбунтовалась черемиса.

Болѣе плачевнаго состоянія не бывало въ Русской землѣ. Казалось, ее разорвутъ на части. Шведы—въ Новгородѣ, самозванецъ—во Псковѣ, поляки—въ Смо-

ленскѣ и въ самомъ сердцѣ Русской земли, въ Москвѣ, въ ея священномъ Кремлѣ. Шайки ихъ рыщутъ по городамъ и селамъ, грабятъ все, чего не дограбили раньше, раззоряютъ то, чего прежде не докончили. Казацкія полчища подъ Москвой, подъ видомъ защиты русскаго дѣла, ищутъ только наживы: ватаги ихъ, посылаемыя за кормомъ по волостямъ, обираютъ и тѣснятъ несчастный людъ не меньше поляковъ. Земля опустошена, святыня поругана, всякое правительство уничтожено, враги хищники и внутри земли, и по окраинамъ ея. Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій настaлъ голодъ. „И было тогда (говоритъ современное сказаніе) такое лютое время Божія гнѣва, что люди и не чаяли впереди спасенія себѣ. Чуть не вся земля Русская запустѣла. И прозвали старики наши это лютое время *лихолѣтьемъ*, потому что тогда была на Русскую землю такая бѣда, какой не бывало съ начала міра: великій гнѣвъ Божій на людяхъ, глады, моры, зябели на всякій плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей и люди людей ѣли. Плѣненіе было великое людямъ! Жигимонтъ, польскій король, все Московское государство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнуть всю красоту благолѣпія земли Русской.“

Козалось, пришелъ конецъ Русской земли....

Въ подобномъ безвыходномъ положеніи находилась нѣкогда (въ началѣ XV вѣка) Францiя, которой угрожало англійское завоеваніе. Когда, казалось, все погибло, явилась въ Лотарингіи вдохновенная Іоанна д' Аркъ. Чего не могли сдѣлать, при всѣхъ усиліяхъ, король и его вельможи, то совершила безъ труда Орлеанская дѣва: Францію спасла молодая простодушная крестьянка.

И на святой Руси, когда она стояла на краю погибели, явился такой вдохновенный простой и незнат-

ный человѣкъ, съ именемъ котораго неразрывно связано спасеніе ея отъ лютыхъ враговъ.

I.

... Не замолчу. На то мнѣ данъ языкъ,
Чтобъ говорить. И говорить я буду
По улицамъ, на площади, въ избѣ,
И пробуждать, какъ колоколъ воскресный,
Уснувшія сердца.

Живъ еще былъ Русскій народъ и не умерла еще въ немъ святая вѣра, его главная сила и опора. Опираясь на эту силу, онъ воспрянулъ духомъ и восторжествовалъ надъ своими врагами.

Въ скорбную, безотрадную пору междуцарствія Троице-Сергіева Лавра явилась истиннымъ ковчегомъ спасенія, вѣрная духу и примѣру святаго основателя ея. Когда смолкъ голосъ патріарха Гермогена, этого страдальца за вѣру и отечество, запертаго въ тѣсное заключеніе и затѣмъ замореннаго голодомъ, заговорилъ другой великій подвижникъ — Діонисій, архимандритъ Троицкой Лавры. Архимандритъ Діонисій и келарь *) Авраамій Палицынъ разсылали во всѣ концы гибнувшаго государства краснорѣчивыя, увѣщательныя грамоты, въ которыхъ яркими чертами изображали неистовство поляковъ, поруганіе святыни, гибель отечества и слезно умоляли весь народъ Русскій собрать

*) Такъ назывались въ старину монахи, завѣдывавшіе монастырскими вотчинами и всѣми недуховными дѣлами. Авраамій Палицынъ, происходившій изъ знатнаго рода, извѣстенъ еще и тѣмъ, что составилъ описаніе печальныхъ событій, происходившихъ на Русской землѣ въ его время, и особенно осады Троице-Сергіева монастыря.

послѣднія силы и идти на очищеніе Москвы отъ непріятеля. Эти грамоты, переписанныя во множествѣ списковъ „борзыми писцами,“ пересылались изъ города въ городъ и возбуждали въ народѣ сильное религіозное воодушевленіе, особенно въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Россіи, менѣе другихъ пострадавшихъ отъ польскихъ и казацкихъ шаекъ. Возбужденіе народа было сильно. По всѣмъ важнѣйшимъ городамъ зашумѣли оживленныя сходки. Сходились и горожане, и сосѣдніе крестьяне для земскаго совѣта, чтобы всѣмъ міромъ надуматься, какъ бѣдѣ пособить. Города стали пересылаться между собою граматами, побуждая другъ друга стать заодно противъ общихъ враговъ. Воодушевленіе народа росло. Нравственное и религіозное возбужденіе становилось все сильнѣе и сильнѣе. Повсюду стала носиться молва о чудесныхъ видѣніяхъ и знаменіяхъ. Говорили, что въ Нижнемъ-Новгородѣ одинъ благочестивый человѣкъ Григорій сподобился въ полуночи страшнаго видѣнія: видѣлъ онъ, будто крыша съ его дома снялась, великій свѣтъ осіялъ его покой, и явились два благолѣпныхъ мужа съ воззваніемъ о покаяніи и очищеніи всего государства *). Носились слухи о видѣніяхъ во Владимірѣ, въ Троицкой Лаврѣ. Набожный народъ только отъ Божіей помощи ждалъ спасенія и считалъ необходимымъ особеннымъ способомъ очиститься отъ грѣховъ и умилостивить Бога покаяніемъ и постомъ. По всѣмъ городамъ приговорили поститься три дня въ недѣлю: въ понедѣльникъ, вторникъ и среду ничего не ѣсть, а въ четвергъ и пятницу сухо ѣсть. Такъ готовился народъ къ великому дѣлу. Настроеніе народа было таково, что онъ готовъ былъ всѣми силами подняться на борьбу. Нужно было

---

*) См. Приложеніе I.

только начало, толчекъ, да нуженъ былъ настоящій русскій вождь.

Этотъ толчекъ былъ данъ, и такой вождь нашелся.

Въ октябрѣ 1611 года въ Нижнемъ Новгородѣ получена была грамота изъ Троицкаго монастыря. Воевода Алябьевъ съ товарищемъ своимъ Рѣпнинымъ созвалъ къ себѣ на воеводскій дворъ старѣйшихъ людей изъ города. Пришли туда Печерскаго монастыря архимандритъ Ѳеодосій, соборный протопопъ Савва, священники, дьяконы, дворяне, дѣти боярскія и посадскіе старосты, а въ числѣ послѣднихъ былъ Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ. Былъ онъ ремесломъ *говядарь*, мясной торговецъ, или, вѣроятнѣе, торговецъ скотомъ. Прежде онъ служилъ въ ратной службѣ воеводы Алябьева и былъ нѣсколько знакомъ съ ратнымъ дѣломъ. Этотъ-то староста Козьма Захаровичъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ городѣ, сказалъ собравшимся такое слово:

—„Вотъ прислана грамота изъ Троицкаго-Сергіева монастыря. Прикажите прочитать ее въ церкви народу. А тамъ—что Богъ дастъ. Мнѣ было видѣніе: явился св. Сергій и сказалъ мнѣ: разбуди спящихъ."

На другой день зазвонили въ большой колоколъ у Св. Спаса,—а день былъ не праздничный. Народъ понялъ, что не спроста звонятъ большимъ звономъ, и скоро весь соборъ былъ набитъ биткомъ. Отслужили обѣдню. Послѣ обѣдни взошелъ на амвонъ протопопъ Савва и обратился къ народу съ такою рѣчью:

— Православные христіане, господа братія! Горе намъ! Пришли дни конечной гибели нашей. Гибнетъ наше Московское государство; гибнетъ и православная вѣра. Горе намъ, великое горе, лютое обстояніе! Литовскіе и польскіе люди, въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ, умыслили Московское государство раззорить и обратить

истинную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь. Кто не восплачется, кто не испуститъ источники слезъ! Ради грѣховъ нашихъ Господь попустилъ врагамъ нашимъ возноситься. Горе нашимъ женамъ и дѣтямъ! Еретики раззорили до основанія богохранимый градъ Москву и предали всеядному мечу дѣтей ея. Что намъ творить? Не утвердиться ли намъ на единеніе и не постоять ли за чистую и непорочную Христову вѣру и за св. соборную Церковь Богородицы Ея честнаго Успенія и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ? А вотъ грамата просительная властей Живоначальныя Тройцы монастыря Сергіева. *)

Была прочтена затѣмъ грамата, призывающая весь народъ на спасеніе православной вѣры и отечества. Народъ умилился. Многіе плакали. Говорили люди со слезами и жалостными стонами: „Горе намъ, бѣда намъ! Погибла Москва, царствующій градъ. Погибнетъ все наше Московское государство!“

Вышелъ народъ изъ собора и столпился подлѣ церкви. Тутъ староста Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ заговорилъ къ народу громкимъ голосомъ:

— „Православные люди! коли хотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ достоянія нашего, да не только достоянія,—дворы свои продадимъ, женъ, дѣтей въ кабалу отдадимъ, будемъ бить челомъ, чтобы шли заступиться за истинную вѣру и былъ бы у насъ начальный человѣкъ. Дѣло великое мы совершимъ, если Богъ поможетъ вамъ; слава будетъ намъ отъ всей земли Русской, что отъ такого малаго города произойдетъ такое великое дѣло. Я знаю: только мы на это дѣло подвигнемся, многіе города къ намъ при-

---

*) См. Приложеніе II.

станутъ, и мы вмѣстѣ съ ними дружно отобьемся отъ иноземцевъ.“

Друзья и братья! Русь святая гибнетъ!
Друзья и братья! Православной вѣрѣ,
Въ которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоитъ.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взываютъ, молятъ слезно.
Вы слышали ихъ слезное прошенье?
Поможемъ, братья, родинѣ святой!
Чтожъ! развѣ въ насъ сердца окаменѣли?
Не всѣ ль мы дѣти матери одной?
Не всѣ ль мы, братья, отъ одной купели?
И аще, братья, похотимъ помочь,
Не пожалѣемъ нашихъ достояній,
Не пощадимъ казны и животовъ;
Мы продадимъ дворы свои и домы,—
А будетъ мало,—женъ, дѣтей заложимъ!

Горячая вдохновенная рѣчь Минина пришлась по̀ сердцу всѣмъ: въ ней сказалось то, что давно было въ сердцѣ у всѣхъ. У многихъ слезы брызнули изъ глазъ.

Начались частыя сходки. Козьма Мининъ всѣмъ орудовалъ, убѣждалъ всѣхъ, что надо ополчаться, кличъ кликать по служилымъ людямъ. Но для содержанія ратныхъ людей требуется казна, деньги.—Это былъ самый первый и существенный вопросъ, отъ котораго зависѣлъ успѣхъ всего дѣла. Мининъ первый понималъ всю важность этого вопроса и уже рѣшилъ его самымъ дѣломъ—въ примѣръ и подражаніе своимъ согражданамъ. Ему принадлежало первое слово, и отъ него же пошло начало дѣла.—„Я, убогій, съ товарищами своими (объявилъ онъ нижегородцамъ), всѣхъ насъ двѣ тысячи человѣкъ, а денегъ у насъ въ сборѣ тысячу семьсотъ рублей, дали третью деньгу. У

меня было триста рублей, и я сто рублей въ сборныя деньги принесъ. То-же и вы сдѣлайте.“—„Будь такъ! будь такъ!“ согласились съ нимъ всѣ. И такъ, рѣшено было въ казну на содержаніе ратныхъ людей собирать со всѣхъ по третьей деньгѣ (то есть, третью часть имущества). Желаніе послужить великому дѣлу освобожденія отечества было такъ сильно, что многіе стали жертвовать гораздо больше, несли послѣднее достояніе свое на общую пользу, говоря: „Почто намъ сія суетная, когда вѣра Христова погибаетъ?“ Приносили кромѣ денегъ разныя цѣнныя вещи, много лѣтъ хранившіяся въ сундукахъ, даже серебряные и золотые оклады со святыхъ иконъ. Одна вдова—говорится въ лѣтописи—принесла къ сборщикамъ десять тысячъ рублей и сказала: „Я осталась послѣ мужа безчадна. Было у меня двѣнадцать тысячъ; даю десять, а себѣ оставляю двѣ.“ Были, правда, и такіе уроды въ семьѣ, которые старались уклониться отъ необходимой жертвы на общее дѣло, ставя выше всего на свѣтѣ свой личный интересъ. Такихъ узкосердечныхъ людей силою заставляли нести общую повинность.

И такъ, вопросъ о казнѣ былъ рѣшенъ. Теперь нужно было подумать о томъ, кого изъ бояръ выбрать начальнымъ человѣкомъ ратной силы. Такое „святое дѣло,“ какое затѣвалось, надо было отдать въ чистыя руки. Нужно было выбрать такого вождя, который не только имѣлъ бы опытность въ ратномъ дѣлѣ, но и не былъ бы замѣшанъ въ измѣнѣ Русской землѣ и ни въ какомъ дурномъ дѣлѣ. А такого выдающагося человѣка нелегко было найдти съ перваго раза. Много бояръ осрамили себя въ прошлые годы—одни тѣмъ, что приставали къ вѣдомому вору, Тушинскому самозванцу, а другіе тѣмъ, что кланялись полякамъ и держали ихъ сторону. Теперь иные изъ нихъ хоть и раскаялись,

увидѣвъ ясно, что поляки только обманываютъ русскихъ,—да народъ имъ уже не вѣрилъ. Притомъ же важнѣйшіе бояре сидѣли въ Москвѣ, въ Кремлѣ; и еслибы который изъ нихъ и захотѣлъ пристать къ своимъ, поляки не выпустили бы его изъ Кремля.

Въ умѣ Минина, правда, вопросъ о воеводѣ былъ уже рѣшенъ. Но ему нужно было еще увидаться съ тѣмъ, на кого палъ его выборъ, и переговорить съ нимъ предварительно, согласится ли онъ принять начальство надъ имѣющимъ составиться ополченіемъ. Поэтому, когда нижегородцы обратились къ Козьмѣ Захарьевичу за совѣтомъ по этому, занимавшему всѣхъ теперь, вопросу, онъ не далъ имъ положительнаго отвѣта, а попросилъ обождать нѣсколько дней.

II.

Кто подыметъ,
Кто поведетъ народъ? Онъ безъ вождя,
Какъ стадо робкое, разсѣянъ розно.

Оставимъ на время „преименитый“ Нижній-Новгородъ, въ которомъ уже занялась заря спасенія нашего отечества, и перенесемся за 120 поприщъ (верстъ) отъ него въ Суздальскій уѣздъ, гдѣ въ описываемое нами время проживалъ въ одномъ изъ своихъ имѣній другой главный герой нашего разсказа—князь Пожарскій.

Князь Димитрій Михаиловичъ Пожарскій, большой стольникъ и воевода, происходилъ отъ древняго рода князей Стародубскихъ *). Онъ родился въ 1578 году и

*) Родоначальникомъ князей Стародубскихъ былъ Иванъ Всеволодовичъ, сынъ великаго князя Всеволода „Большое Гнѣздо“, получившій въ 1236 году отъ

20-ти лѣтъ отъ роду былъ уже стряпчимъ, подписавъ въ этомъ званіи грамоту объ избраніи Бориса Годунова на царство. Въ 1608 году онъ поразилъ подъ Коломною отрядъ тушинцевъ. Въ слѣдующемъ году онъ разбилъ на голову (при рѣчкѣ Пехоркѣ) Салькова, перехватившаго съ своею разбойничьею шайкою Коломенскую дорогу, по которой шли въ Москву запасы изъ Рязанской земли. Въ 1610 году, когда города, одинъ за другимъ, отлагались отъ царя Василія, онъ удержалъ въ покорности ему городъ Зарайскъ. Послѣ низложенія Шуйскаго, какъ только Прокопій Ляпуновъ поднялся противъ польской власти, князь Димитрій Михайловичъ былъ изъ первыхъ, ставшихъ заодно съ нимъ. На страстной недѣлѣ 1611 года, во время приступа русскаго ополченія къ Москвѣ, занятой поляками, князь Пожарскій оказалъ съ своимъ передовымъ отрядомъ помощь москвичамъ противъ поляковъ: соединившись съ пушкарями, онъ отбилъ нападавшаго непріятеля, втопталъ его въ Китай-городъ и поставилъ себѣ острожекъ (укрѣпленіе) у Введенья на Лубянкѣ. Во время этой схватки онъ былъ раненъ и отвезенъ въ Троицкую Лавру, а оттуда перевезенъ въ свое имѣніе—село Пурихъ, гдѣ и жилъ въ описываемое нами время, и теперь чуть оправился отъ ранъ.

И такъ, вотъ на кого палъ выборъ Козьмы Захарьевича Минина, вотъ кому онъ имѣлъ въ виду „ударить челомъ, чтобы вступился за истинную православную вѣру и былъ у нихъ начальнымъ человѣкомъ“. Выборъ его палъ на человѣка вполнѣ достойнаго: Пожарскій обладалъ всѣми качествами, необходимыми для русскаго вождя въ то трудное и опасное время. Онъ былъ чистъ

брата своего, великаго князя Ярослава Всеволодовича, городъ Стародубъ на Клязьмѣ въ Суздальской области (въ 12—14 верстахъ отъ теперешняго уѣзднаго города Владимірской губ. Коврова).

во всѣхъ дѣлахъ своихъ, не мыслилъ и не дѣлалъ никакой неправды, не былъ въ воровскихъ шайкахъ, не просилъ милости у польскаго короля, не кланялся и не мирволилъ полякамъ. И ко всему этому это былъ воевода опытный и искусный въ ратномъ дѣлѣ.

Но этотъ избранникъ лежитъ теперь больной отъ тяжкихъ ранъ — свидѣтельницъ его любви къ родинѣ. Въ состояніи ли онъ будетъ принять на себя новые нелегкіе труды? Необходимо было свидѣться и переговорить съ нимъ, заручиться его словомъ. И Козьма Захарьевичъ отправился къ нему для предварительныхъ личныхъ переговоровъ.

Лѣтописи не сохранили намъ положительныхъ свидѣтельствъ о первомъ свиданіи двухъ великихъ людей, имѣвшемъ столь важное значеніе для великаго дѣла, совершеннаго ими. Говорятъ, впрочемъ, что князь Димитрій Михайловичъ сначала не придалъ никакого значенія посѣщенію нижегородскаго посадскаго старосты. Но когда этотъ староста, допущенный въ почивальню больного князя, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ заговорилъ о бѣдствіяхъ и страданіяхъ отечества, о необходимости неотложной помощи и о приготовленіяхъ, начатыхъ въ его родномъ городѣ, князь сразу почуялъ въ немъ родственную себѣ душу: забывъ въ эту минуту свои страданія, онъ приподнялся на постели и съ горячимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слушалъ задушевно-вдохновенную рѣчь своего гостя. Затѣмъ Мининъ перешелъ къ прямой цѣли своего посѣщенія и съ такимъ жаромъ умолялъ князя сжалиться надъ бѣдствіями отечества и стать во главѣ имѣющаго составиться ополченія, что доблестный князь не могъ не склониться на его убѣжденія: подавая своему будущему сподвижнику руку и указывая на свой мечъ, Пожарскій сказалъ: „Мужаимся и укрѣпимся о людехъ нашихъ и о

градѣхъ Бога нашего, и Господь сотворитъ благое предъ очима Своима". Такимъ образомъ у одра болѣзни князя Пожарскаго предрѣшена была будущая участь нашего отечества!

Заручившись согласіемъ князя Димитрія Михайловича, Мининъ предложилъ на сходкѣ своимъ согражданамъ выбрать его начальникомъ ополченія. Предложеніе его было принято съ единодушнымъ согласіемъ.— „Хотимъ, хотимъ его! любъ онъ намъ!" неслось со всѣхъ сторонъ. Тогда рѣшено было отправить къ нему посольство.

Воля Божья!
Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ,
Ему и править нами. Гласъ народа—
Гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ
Просить и кланяться, чтобъ шелъ къ намъ нà-спѣхъ.

Послами были отправлены Печерскій архимандритъ Ѳеодосій и дворянинъ добрый Жданъ Петровичъ Болтинъ, да изо всѣхъ чиновъ лучшіе люди. Они просили Пожарскаго отъ всего Нижняго Новгорода постоять за землю Русскую и принять начальство надъ ополченіемъ. Князь Пожарскій сказалъ посламъ: „Я радъ за православную вѣру пострадать до смерти; и вы изберите изъ посадскихъ людей такого человѣка, чтобъ ему въ мочь и за обычай было со мною быть у нашего великаго дѣла: вѣдалъ бы онъ казну на жалованье ратнымъ людямъ". Послы стали думать, кто бы на это дѣло годился; но Пожарскій не далъ имъ долго ломать головы и сказалъ: „У васъ въ городѣ есть такой человѣкъ, Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ: человѣкъ онъ бывалый; ему такое дѣло за обычай".

Возвратившись домой, послы разсказали на сходкѣ, что имъ отвѣчалъ князь Димитрій Михайловичъ. Тогда весь міръ приступилъ къ Козьмѣ Захарьевичу: отпра-

вились къ нему нижегородцы на домъ *) и стали просить, чтобы онъ былъ у великаго дѣла, собиралъ бы казну и завѣдывалъ ею.召Mининъ сначала отговаривался, но не отъ того, чтобы въ самомъ дѣлѣ не хотѣлъ принимать на себя важнаго дѣла, а затѣмъ, чтобы его побольше просили и чтобы вытребовать себѣ полную власть, необходимую для успѣха самаго дѣла. Наконецъ, онъ принялъ предлагаемую должность и сказалъ: „Когда такъ, я прошу, поставьте приговоръ, приложите руки на томъ, чтобы слушаться меня и князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, ни въ чемъ не противиться, давать деньги нужныя на жалованье ратнымъ людямъ; а если денегъ не будетъ, то силою брать у васъ животы, даже женъ и дѣтей въ кабалу отдавать, чтобы ратнымъ людямъ скудости не было“. Приговоръ былъ составленъ и подписанъ міромъ. Благоразумный и предусмотрительный Мининъ тотчасъ же отправилъ этотъ приговоръ къ князю Димитрію Михайловичу: онъ сдѣлалъ это затѣмъ, чтобы нижегородцы не одумались и не перемѣнили своей воли, когда у нихъ остынетъ первый пылъ увлеченія. Затѣвалось дѣло великое, неизбѣжно требовавшее и жертвъ великихъ. Мининъ назначилъ оцѣнщиковъ и велѣлъ цѣнить у всѣхъ дворы, скотъ, имущество, и отъ всего бралъ пятую деньгу (т. е. пятую часть); а у кого не было денегъ, у того продавалъ имущество. Не давалъ онъ ослабы ни духовенству, ни монастырямъ, ни богатымъ, ни бѣднымъ. Положено было, чтобы никто не остался, не давъ своей доли для общаго дѣла.

*) Мининъ жилъ въ Благовѣщенской слободѣ, въ приходѣ Рождества св. Іоанна Предтечи.

III.

Спѣшите, вѣрные сыны,
Спасать отчизну дорогую!

Не успѣлъ еще избранный воевода прибыть въ Нижній Новгородъ, а ужъ ополченіе собиралось: по всѣмъ ближайшимъ городамъ быстро разнеслась вѣсть, что нижегородцы встали и готовы на всякія пожертвованія для ратныхъ людей. Пришли въ Нижній смольняне изъ Арзамаса. Это были прежніе помѣщики Смоленской земли. Выгнанные поляками, послѣ завоеванія Смоленской области, они пришли подъ Москву и просили у начальниковъ подмосковскаго ополченія крова и хлѣба. Ихъ отправили въ Арзамасъ—поселиться въ тамошнихъ дворцовыхъ волостяхъ. Но когда они пришли въ Арзамасъ, дворцовые люди не хотѣли слушать грамотъ Заруцкаго и Трубецкаго и служить прибывшимъ дворянамъ. Тогда послѣдніе ушли въ Нижній Новгородъ. Нижегородцы приняли скитальцевъ; они составляли первое ядро будущей рати. Изъ числа ихъ нѣкоторые были отправлены къ князю Пожарскому челобитчиками — просить его, чтобы онъ скорѣе пріѣзжалъ въ Нижній. Пожарскій, уже выступивъ изъ своей вотчины, на дорогѣ встрѣтилъ дорогобужанъ и вязьмичей, дѣтей боярскихъ. Заруцкій отправилъ ихъ селиться въ Ерополчѣ (или Ярополчѣ—нынѣшніе Вязники, уѣздный городъ Владимірской губ.); но тамъ имъ не дали помѣстья, и они отправились къ Нижнему Новгороду.

Наконецъ князь Пожарскій прибылъ въ Нижній, гдѣ его ждали съ такимъ нетерпѣніемъ, и былъ встрѣченъ съ великою честію. Прежде всего новый начальникъ

ополченія занялся раздачею жалованья ратнымъ людямъ. Но скоро нижегородской казны стало недостаточно: нужно было писать во всѣ города. просить ихъ содѣйствія. Отъ имени главнаго вождя и всѣхъ ратныхъ и земскихъ людей Нижняго-Новгорода написана была возбудительная грамата и разослана въ спискахъ по городамъ съ гонцами: въ Кострому, Вологду, Казань, Ярославль, Угличъ, Бѣлоозеро, Владиміръ, Рязань и во многіе другіе города. Въ этой грамотѣ говорилось:

„По Христову слову, встали многіе лжехристи, и въ ихъ прелести смялась вся земля наша, встала междоусобная брань въ Россійскомъ государствѣ и длится немало время. Усмотря между нами такую рознь, хищники нашего спасенія, польскіе и литовскіе люди, умыслили Московское государство раззорить, и Богъ ихъ злокозненному замыслу попустилъ совершиться. Видя такую ихъ неправду, всѣ города Московскаго государства, сославшись другъ съ другомъ, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ — быть намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ въ любви и соединеніи, прежняго междоусобія не начинать, Московское государство отъ враговъ очищать и своимъ произволомъ, безъ совѣта всей земли, государя не выбирать, а просить у Бога, чтобъ далъ намъ государя благочестиваго, подобнаго прежнимъ природнымъ христіанскимъ государямъ. Изо всѣхъ городовъ Московскаго государства дворяне и дѣти боярскіе подъ Москвою были, польскихъ и литовскихъ людей осадили крѣпкою осадою; но потомъ дворяне и дѣти боярскіе изъ-подъ Москвы разъѣхались для временной сладости, для грабежей и похищенья; многіе покушаются, чтобъ быть на Московскомъ государствѣ паньѣ Маринкѣ съ законопреступнымъ сыномъ ея. Но теперь мы, Нижняго Новгорода всякіе люди, сослав-

шись съ Казанью и со всѣми городами понизовыми и поволжскими, собравшись со многими ратными людьми, видя Московскому государству конечное раззоренье, прося у Бога милости, идемъ всѣ головами своими на помощь Московскому государству; да къ намъ же прiѣхали въ Нижнiй изъ Арзамаса Смольняне, Дорогобужане и Вязьмичи и другихъ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскiе. И мы всякiе люди Нижняго Новгорода, посовѣтовавшись между собою, приговорили животы свои и домы съ ними раздѣлить, жалованье имъ и подмогу дать и послать ихъ на помощь Московскому государству. И вамъ бы, господа, помнить свое крестное цѣлованiе, что намъ противъ враговъ нашихъ до смерти стоять: идти бы теперь на литовскихъ людей всѣмъ вскорѣ. Если вы, господа дворяне и дѣти боярскiе, опасаетесь отъ казаковъ какого-нибудь налогу или какихъ-нибудь воровскихъ заводовъ, то вамъ бы никакъ этого не опасаться: какъ будемъ всѣ верховые и понизовые города въ сходу, то мы всею землею о томъ совѣтъ учинимъ и дурна никакого ворамъ дѣлать не дадимъ; самимъ вамъ извѣстно, что къ дурну ни къ какому до сихъ поръ мы не приставали, да и впередъ никакого дурна не захотимъ. Непремѣнно быть бы вамъ съ нами въ одномъ совѣтѣ и ратными людьми на польскихъ и литовскихъ людей идти вмѣстѣ, чтобъ казаки попрежнему не разогнали Низовой рати воровствомъ, грабежемъ, иными воровскими заводами и Маринкинымъ сыномъ. А какъ мы будемъ съ вами въ сходѣ, то станемъ надъ польскими и литовскими людьми промышлять вмѣстѣ заодно, сколько милосердый Богъ помощи подастъ, о всякомъ земскомъ дѣлѣ учинимъ крѣпкiй совѣтъ, и которые люди подъ Москвою или въ какихъ-нибудь городахъ захотятъ дурно учинить или Маринкою и сыномъ ея новую кровь захо-

тятъ начать, то мы дурна никакого имъ сдѣлать не дадимъ. Мы, всякіе люди Нижняго Новгорода, утвердились на томъ и въ Москву къ боярамъ и ко всей землѣ писали, что Маринки и сына ея и того вора, который стоитъ подъ Псковомъ, до смерти своей въ государи на Московское государство не хотимъ, точно также и литовскаго короля.“

Какъ только эта призывная грамата, возвѣщавшая второе возстаніе земли, приходила въ какой-нибудь городъ, воеводы посылали бирючей (разсыльщиковъ) собирать въ городъ людей. Приказывали прочитать грамату въ соборной церкви; потомъ народъ собирался на сходку. Тамъ постановляли міромъ взять такую-то деньгу со всѣхъ по разверсткѣ (извѣстную часть съ оцѣнки имущества), составить ополченіе; назначали, когда ему выходить и куда идти, кому оставаться беречь городъ. Готовили походъ и оружіе; а женщины пекли сухари и приготовляли сухое толокно въ походъ ратнымъ людямъ. Собирались деньги на жалованье ратнымъ людямъ и отсылались нижегородцамъ; а потомъ отправлялись къ Нижнему и ополченія. Скоро стали приходить въ Нижній ратные люди изъ сосѣднихъ городовъ. Князь Пожарскій устроивалъ на свой счетъ кормы, а Мининъ раздавалъ имъ жалованье по статьямъ, кто чего былъ достоинъ по своей службѣ (первой статьѣ—50 рублей, второй—45 р., третьей—40 р., и меньше 30 р. жалованья не было). Дворяне и дѣти боярскія, у которыхъ были помѣстья, отказались отъ денежнаго жалованья, а раздавалось жалованье казакамъ и стрѣльцамъ.

Первыми пришли въ Нижній Коломенцы, изгнанники изъ роднаго города, бывшаго тогда въ рукахъ Марины; за ними пришли Рязанцы; вслѣдъ за тѣмъ пришли служилые люди украинскихъ городовъ, пришли добрые

козаки и стрѣльцы, сидѣвшіе въ Москвѣ въ осадѣ съ царемъ Василіемъ.

Между тѣмъ дурныя вѣсти пришли оттуда, откуда менѣе всего можно было ожидать ихъ: Казань, до сихъ поръ такъ сильно увѣщевавшая другіе города къ общему дѣлу, теперь сама отказалась участвовать въ немъ, по заводу дьяка Никанора Шульгина. Какъ видно, Шульгинъ былъ недоволенъ тѣмъ, что не царственная Казань, главный городъ Понизовья, и не онъ, Шульгинъ, захватившій въ ней всю власть, стали въ челѣ возстанія, а второстепенный Нижній съ своимъ земскимъ старостою. На сторону Шульгина перешелъ и стряпчій Биркинъ, посланный изъ Нижняго въ Казань къ тамошнимъ властямъ для совѣта о Московскомъ государствѣ и также недовольный первенствомъ Пожарскаго и Минина въ Нижнемъ! *) Получивъ вѣсть о недобромъ совѣтѣ Шульгина и Биркина, князь Пожарскій, Мининъ и всѣ ратные люди положили упованіе на Бога, и какъ Іерусалимъ былъ очищенъ послѣдними людьми, такъ и въ Московскомъ государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ латынъ и противъ своихъ измѣнниковъ.

Такъ кончился 1611 и начался 1612 годъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ и подъ Москвою въ это время творилось недоброе: мнимые защитники Москвы, казаки, дошли до крайнихъ предѣловъ безчинства. Въ концѣ января въ Костромѣ и Ярославлѣ явились граматы отъ московскихъ бояръ съ увѣщаніемъ отложиться отъ Заруцкаго и быть вѣрными царю Владиславу. „Теперь (писали бояре) князь Дмитрій Трубецкой да

*) Шульгина поддерживалъ, между прочимъ, сватъ его, строитель Амфилохіи Рыбушкинъ, который не слушался Троицкихъ граматъ. Тогда Троицкія власти вызвали отца его Пимена, архимандрита Старицкаго Богородскаго монастыря, и за измѣну сына томили его тяжкими трудами, заставляя печь хлѣбы.

Иванъ Заруцкій стоятъ подъ Москвою на христіанское кровопролитіе и всѣмъ городамъ на конечное раззоренье: ѣздятъ отъ нихъ изъ табора по городамъ безпрестанно казаки, грабятъ, разбиваютъ и невинную кровь христіанскую проливаютъ, церкви раззоряютъ, иконы святыя обдираютъ и многія скаредныя дѣла на иконахъ дѣлаютъ, чего умъ нашъ страшится написать. А польскіе и литовскіе люди, видя ваше непокорство, также города всѣ пустошатъ и воюютъ... А теперь вновь тѣ же воры Ивашка Заруцкій съ товарищами государей выбираетъ себѣ такихъ же воровъ казаковъ: сына Калужскаго вора, о которомъ и поминать непригоже; а за другимъ воромъ подъ Псковъ послали такихъ же воровъ и бездушниковъ... И такими воровскими государями крѣпко ли Московское государство будетъ и кровь христіанская литься и Московское государство пустошиться впередъ перестанетъ ли?" Бояре писали правду: казаки, дѣйствительно, вошли въ сношенія съ Псковскимъ самозванцемъ, и 2-го марта подмосковный станъ присягнулъ этому воровскому государю.

Около этого времени скончался смертію мученика добрый подвижникъ за вѣру и отечество, патріархъ Гермогенъ, преподавъ заочно благословеніе Нижегородскому ополченію. Когда въ Москву дошла вѣсть о томъ, что въ Нижнемъ составляется ополченіе, она всполошила не только осажденныхъ поляковъ, но и осаждавшихъ—казаковъ. Поляки и русскіе измѣнники приступили къ Гермогену и требовали, чтобы онъ написалъ въ Нижній и велѣлъ распустить ополченіе и остаться вѣрными присягѣ, данной Владиславу. Но твердый и несокрушимый старецъ отвѣчалъ: „Да будетъ надъ ними милость Господа и Бога, а отъ нашего смиренія благословеніе; а на измѣнниковъ да изліется гнѣвъ отъ Бога, а отъ на-

шего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!“ За это патріарха стали содержать въ большей тѣснотѣ и томить голодомъ. Онъ скончался 17-го февраля голодною смертію и погребенъ былъ въ Чудовомъ монастырѣ *).

Заруцкій понялъ, что ему и его своевольному полчищу грозитъ опасность отъ новой земской ратной силы. Онъ послалъ отъ имени Марины посла въ Персію, чтобы найдти тамъ себѣ союзъ; но письмо его было перехвачено въ Казани. Съ другой стороны Заруцкій заботился о томъ, чтобы Нижегородское ополченіе не захватило верховыхъ городовъ Поволожья, и отправилъ въ Ярославль Андрея Просовецкаго — мѣшать ярославцамъ соединиться съ Нижегородскимъ ополченіемъ. Князь Трубецкой, конечно, не замѣчалъ, что затѣваетъ его властелинъ-товарищъ. Вотъ какъ было хотѣли встрѣтить Нижегородцевъ изъ-подъ Москвы тѣ именно воеводы, къ которымъ на помощь призывали народъ Троицкія граматы. Правду говорили Нижегородцы, отправляясь въ походъ, что они теперь—послѣдніе люди. Однако, вѣроломная попытка Заруцкаго не удалась: ярославцы, провѣдавъ заранѣе о его замыслахъ, дали знать Пожарскому. Предводитель ополченія немедленно послалъ передовой отрядъ, подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата, князя Димитрія Петровича Пожарскаго-Лопаты, и дьяка Семена Самсонова, занять Ярославль. Они вошли въ этотъ городъ прежде, чѣмъ дошелъ до него Просовецкій, и посадили въ тюрьму присланныхъ имъ казаковъ. Узнавъ, что Ярославль перехваченъ, Просовецкій не пошелъ туда.

---

*) Въ царствованіе Алексѣя Михайловича тѣло патріарха Гермогена перенесено (въ 1652 году) изъ Чудова монастыря въ Успенскій соборъ и съ большимъ торжествомъ поставлено поверхъ земли.

Ярославцы ожидали Нижегородцевъ, но ополченіе медлило выходомъ изъ Нижняго, ожидая помощи изъ Казани. Князь Пожарскій и Мининъ, подождавши казанцевъ, догадались, что въ Казани происходитъ что-нибудь недоброе, и рѣшились не ожидать оттуда помощи. Великимъ постомъ, въ началѣ марта, Нижегородское ополченіе, наконецъ, тронулось въ походъ къ Ярославлю. Въ этомъ городѣ задумано было устроить главную квартиру для ополченія, потому что онъ былъ въ самомъ дѣлѣ серединнымъ городомъ для сбора рати. Трогательны были проводы ополченія: при звонѣ колоколовъ, при звукѣ ратныхъ трубъ, ратные люди, отрядъ за отрядомъ, выступали, изъ Нижегородскаго кремля. Весь городъ былъ на ногахъ; всѣ молились и плакали, провожая—кто мужа, кто брата, кто отца, кто дѣтей на великое и славное дѣло.

Аксеновъ (Старикъ торговый человѣкъ).

Нижегородцы Нижняго-Посада
Тебя, нашъ воевода, князь Димитрій
Михайловичъ, и съ выборнымъ, съ Кузьмою
Захарьичемъ, въ дорогу съ хлѣбомъ-съ солью
Желаемъ проводить. (Подаетъ хлѣбъ-соль).

Пожарскій.

Нижегородцы! Мы за васъ идемъ
Съ врагами биться, жизни не жалѣя;
А вы всещедраго молите Бога,
Чтобы Москоское намъ государство
Въ соединеньи видѣть, какъ и прежде,
Какъ при великихъ государяхъ было;
Кровопролитье бъ въ людяхъ перестало,—
А видѣть бы покой и тишину,
Какъ и доселѣ было въ государствѣ.

Мининъ.

Друзья, Нижегородцы! Ваше войско
Пошло къ Москвѣ: его вы снарядили
И проводили. Буде Богъ пошлетъ,
И нашимъ подвигомъ мы Русь избавимъ,—
Великую отъ Бога приимемъ милость
За избавленье христіанскихъ душъ.
И во всѣ роды, въ будущіе вѣки,
Къ навѣчной похвалѣ намъ учиниться,
На славу намъ и на поминъ душъ нашихъ.

Пожарскій.

Пойдемте съ Богомъ! (Войско трогается).

Народъ.

Прощайте, Божьи воины! Помоги вамъ Господь! Вы за насъ страдальцы, а мы за васъ богомольцы!

IV.

Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о тебѣ—
охранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ.
Псал. 90, ст. 11.

Первые шаги Нижегородскаго ополченія были для него настоящимъ торжествомъ: вездѣ встрѣчали его съ истинною радостію и сочувствіемъ, доставляя казну на подмогу и собирая ратныхъ людей изъ окрестныхъ мѣстъ. Такъ оно двигалось изъ города въ городъ вверхъ по Волгѣ и прошло Балахну, Юрьевецъ, Рѣшму, Кинешму Кострому и пришло къ Ярославлю еще по зимнему пути.

Въ Балахнѣ къ нижегородцамъ пристали балахнинцы и толпа дворянъ и дѣтей боярскихъ, разогнанныхъ изъ-подъ Москвы, подъ начальствомъ Матвѣя Плещеева. Изъ Балахны, усиленное свѣжими силами, ополченіе выступило въ Юрьевецъ; здѣсь къ нему пристали Юрьевецкіе татары, которымъ дали жалованье. Изъ Юрьевца ополченіе перешло въ Рѣшму. Тутъ оно было встрѣчено посланцами изъ Владиміра, отъ воеводы Артемія Измайлова (давнишняго друга Димитрія Михайловича Пожарскаго). Онъ извѣщалъ, что Заруцкій и Трубецкой съ казачьимъ полчищемъ, стоящимъ подъ Москвою, цѣловали крестъ вору, который во Псковѣ назвался царемъ Димитріемъ. Вслѣдъ за этими посланцами явились посланцы отъ самихъ подмосковныхъ предводителей. „Мы прельстились (писали Трубецкой и Заруцкій), мы цѣловали крестъ вору, что явился въ Псковѣ, но потомъ узнали вражью прелесть и цѣловали крестъ на томъ, чтобы всѣмъ православнымъ христіанамъ быть въ единогласіи. Идите подъ Москву, не опасайтесь“. Эту грамату Пожарскій велѣлъ прочитать всему своему ополченію, и чрезъ посланныхъ былъ данъ такой отвѣтъ: „Мы никакого развращенія и опасенія не имѣемъ; идемъ подъ Москву вамъ въ помощь, на очищеніе Московскаго государства“. Пожарскій и Мининъ не повѣрили, правда, казацкому раскаянію, у нихъ было твердо положено не соединяться съ казаками; однако, не желая преждевременно раздражать ихъ, они дали Заруцкому и Трубецкому такой успокоительный отвѣтъ. Изъ Рѣшмы ополченіе пришло въ Кинешму. Здѣсь также оно было принято съ радостію и получило подмогу казною.

Давъ отдохнуть войску нѣсколько времени въ Кинешмѣ, Пожарскій пошелъ къ Костромѣ, гдѣ ожидалъ его иной пріемъ. Костромскимъ воеводою былъ Иванъ

Шереметевъ. Его считали однимъ изъ виновниковъ гибели Ляпунова. Теперь онъ былъ поставленъ на воеводство московскими боярами. Слѣдуя ихъ увѣщательнымъ граматамъ, убѣждавшимъ оставаться въ повиновенiи Владиславу,онъ не пускалъ въ городъ ополченiя и намѣревался отбиваться отъ него силою. Но у костромичей было мало охоты стоять за польское дѣло: многiе изъ нихъ вышли навстрѣчу къ Пожарскому и Минину, прося ихъ прибыть въ городъ и обѣщая стоять съ ними за одно. Пожарскiй подвинулъ свое войско къ костромскимъ посадамъ. Тогда костромичи, остававшiеся въ городѣ, раздѣлились: одни держались приказанiй своего воеводы, другiе кричали, что онъ измѣнникъ, и переходили къ Пожарскому. Послѣдняя партiя была многочисленнѣе. Она бросилась на воеводскiй дворъ, низложила Шереметева и чуть не убила его: его спасъ отъ разъяренной толпы князь Пожарскiй. Пожарскiй и Мининъ вошли въ Кострому, взяли съ костромичей казны на подмогу и назначили имъ воеводою вмѣсто Шереметева—князя Гагарина съ дьякомъ Андреемъ Подлѣсовымъ. Тутъ пришли къ Пожарскому послы отъ суздальцевъ, съ просьбою удѣлить имъ ратныхъ людей на помощь противъ Просовецкаго, бродившаго съ своею шайкою около ихъ города. Пожарскiй разрознилъ свое войско и отрядилъ къ Суздалю своего родственника, князя Романа Петровича Пожарскаго, съ нижегородскими и балахнинскими стрѣльцами; они отогнали Просовецкаго отъ Суздаля.

Самъ Пожарскiй повелъ ополченiе въ Ярославль. Въ Ярославлѣ Нижегородское ополченiе было встрѣчено съ особенною радостiю и съ большимъ почетомъ. Пожарскому и Минину ярославцы принесли даже многiе дары; но предводители ничего не приняли: не затѣмъ они шли, чтобы собирать себѣ дары по городамъ, хотя

эта была самая обычная почесть въ русскомъ старинномъ быту при всякой встрѣчѣ и при всякой радости.

Это было въ началѣ апрѣля. Въ Ярославѣ Пожарскій простоялъ слишкомъ два мѣсяца. Были многія причины этой долгой стоянки. Надобно было подождать, пока подойдутъ изъ городовъ ополченія и пришлютъ казны; надобно было узнавать и развѣдывать, что дѣлается въ Польшѣ и какія силы можетъ противъ насъ выдвинуть польскій король; кромѣ того, Новгородъ договорился со шведами признать шведскаго королевича царемъ московскимъ, и Пожарскому надо было обезопасить себя отъ шведовъ, чтобы они не пошли на русскихъ войною принуждать ихъ брать на царство ихъ королевича. Но самое главное, на чемъ стоялъ и чего добивался Пожарскій, оставаясь въ Ярославлѣ, это—„всемірное соединеніе“, общее согласіе всѣхъ городовъ въ одной мысли, прекращеніе розни и криводушія, какъ корня всего зла. Съ этою цѣлію онъ требовалъ отовсюду присылки выборныхъ для общаго земскаго совѣта. А чтобы достигнуть единенія мыслей въ городахъ, очень удаленныхъ другъ отъ друга, и добыть необходимыя свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ, для этого нужно было время *).

Окружая себя выборными людьми со всей земли Руской, Пожарскій хотѣлъ довести до сознанія всѣхъ, что предводители нижегородскаго ополченія, идущіе въ Москву, имѣютъ законное значеніе, освященное волею всей земли, и могутъ смѣло говорить, что подняли не произвольный мятежъ, а идутъ по совѣту всего народа Московскаго государства. Въ этомъ заключалась

---

*) Вспомнимъ о состояніи тогдашнихъ путей сообщенія и о многихъ другихъ препятствіяхъ, какія всегда являются въ военное и притомъ смутное время. Ни почтъ, ни телеграфовъ въ то время не было, и всѣ сношенія производились чрезъ *нарочныхъ*, успѣвавшихъ служить съ истинною отвагою и преданностью.

главная, побѣждающая сила Нижегородскаго ополченія: въ немъ олицетворялась лучшая часть земли Руской, здоровое ядро и основа.

Подъ Москвой тѣмъ временемъ все попрежнему стояло казацкое войско. Вскорѣ по прибытіи въ Ярославль, Пожарскій получилъ грамату отъ Троицкихъ властей, съ просьбою идти *на-спѣхъ* подъ Москву. „28 марта (говорилось въ этой граматѣ) пріѣхали въ Сергіевъ монастырь два брата Пушкины, прислалъ ихъ къ намъ для совѣта бояринъ князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, чтобъ мы послали къ вамъ, и всѣ бы православные христіане соединясь промышляли надъ польскими и литовскими людьми и надъ тѣми врагами, которые теперь завели смуту. Соберитесь, государи, въ одно мѣсто, гдѣ Богъ благоволитъ, и положите совѣтъ благъ, станемъ просить у Вседержителя, да отвратитъ свой праведный гнѣвъ и дастъ стаду своему пастыря, пока злые заводцы и ругатели остальнымъ намъ православнымъ христіанамъ порухи не сдѣлали. Молимъ васъ усердно, поспѣшите придти къ намъ въ Троицкій монастырь, чтобъ тѣ люди, которые теперь подъ Москвою, рознью своею не потеряли Большаго Каменнаго города и остроговъ-укрѣпленій, и наряду.“ Но Пожарскій, по выраженію лѣтописца, многомолебное писаніе отъ обители въ презрѣніе положилъ. И онъ имѣлъ на это серьезныя основанія, хотя и самъ давно рвался сердцемъ къ Москвѣ. Онъ считалъ невозможнымъ отважиться идти подъ Москву съ малыми силами. Гораздо благоразумнѣе было не спѣшить и надежнѣе обезпечить себя со всѣхъ сторонъ.

7-го апрѣля изъ Ярославля пошли граматы по городамъ. Въ этихъ граматахъ излагались прошлыя и настоящія бѣдствія Московской земли и ея народа, и затѣмъ говорилось: „по всемірному совѣту пожаловать

бы вамъ, господа, прислать къ намъ Ярославль изъ всякихъ чиновъ людей по два, и съ ними совѣтъ свой отписать за своими руками... и прислать къ намъ въ Ярославль денежную казну ратнымъ людямъ на жалованье.“ *).

Въ Ярославль одинъ за другимъ пріѣзжали стольники, стряпчіе, дворяне, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди и вступали въ ополченіе; посадскіе люди привозили денежную казну. Тѣмъ не менѣе, однако, подъ Москву нельзя еще было предпринять немедленнаго похода: казачьи шайки безчинствовали по окрестнымъ городамъ, занявъ Угличъ и Пошехонье, засѣвъ въ Антоніевомъ Бѣжецкомъ монастырѣ. Шведы стояли въ Тихвинѣ. Нельзя было двинуться на югъ, оставивъ въ тылу этихъ враговъ.

Противъ казачьихъ шаекъ отправлены были отряды, съ успѣхомъ окончившіе данное имъ порученіе. Князь Манстрюковичъ-Черкасскій былъ посланъ противъ черкасъ (малороссійскихъ казаковъ) въ Антоніевомъ монастырѣ; но измѣнникъ Юрій Потемкинъ-Смольянинъ, убѣжавъ, далъ знать черкасамъ, что на нихъ идетъ рать, и тѣ, оставивъ монастырь, бросились къ границѣ. Въ Кашинѣ князь Мамстрюковичъ-Черкасскій соединился съ отрядомъ князя Лопаты-Пожарскаго, посланнаго въ Пошехонье и разбившаго наголову буй-

*) У граматы находятся подписи, изъ которыхъ мы узнаемъ начальныхъ людей рати. Несмотря на то, что главнымъ вождемъ ополченія былъ избранъ Пожарскій, первыя мѣста уступлены людямъ, превышавшимъ главнаго вождя саномъ: первая подпись принадлежитъ боярину Морозову, вторая боярину князю Владиміру Тимоѳеевичу Долгорукову, третья окольничему Головину, четвертая князю Ивану Никитичу Одоевскому, пятая князю Пронскому, шестая князю Волконскому, седьмая Матвѣю Плещееву, восьмая князю Львову, девятая Мирону Вельяминову, десятая уже князю Пожарскому; на пятнадцатомъ мѣстѣ читаемъ: „въ выборнаго человѣка всею землею, въ Козмино мѣсто Минина князь Пожарскій руку приложилъ.“ За Мининымъ слѣдуютъ еще 34 подписи.

ствовавшихъ тамъ казаковъ. Соединенными силами двинулись они противъ казаковъ подъ Угличъ и, разбивъ ихъ, воротились въ Ярославль. Воевода Наумовъ съ казаками справились легко, отогнали отряды Заруцкаго отъ Переяславля. Но гораздо труднѣе было уладить другое дѣло—съ Новгородомъ и шведами. Когда, со смертію Ляпунова, разстроилось первое земское ополченіе, Новгородъ, какъ мы знаемъ, отдѣлился отъ Москвы и отдался подъ покровительство Швеціи. Въ немъ и теперь стоялъ Делагарди съ шведскимъ войскомъ. Князь Димитрій Михайловичъ и Козьма начали думать со всею ратью, духовенствомъ и посадскими людьми, какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе, и положили: отправить пословъ въ Новгородъ къ митрополиту Исидору, князю Одоевскому и Делагарди. Съ грамотами отправленъ былъ Степанъ Татищевъ съ выборными изъ каждаго города по человѣку. У митрополита и Одоевскаго спрашивали: на чемъ состоялся у нихъ договоръ со шведами? А къ Делагарди писали, что если король шведскій дастъ брата своего на царство и окреститъ его въ православную христіанскую вѣру, то они рады быть съ новгородцами въ одномъ совѣтѣ. Это было написано для того (говоритъ лѣтопись), чтобъ, когда пойдутъ подъ Москву на очищеніе Московскаго государства, шведы не пошли воевать въ поморскіе города. На самомъ же дѣлѣ теперь уже ни у кого не было серьезнаго желанія имѣть царемъ ни шведскаго, ни польскаго королевича. 19-го мая Татищевъ возратился изъ Новгорода въ Ярославль съ отвѣтомъ отъ митрополита Исидора, Одоевскаго и Делагарди, что они пришлютъ въ Ярославь пословъ отъ всего Новгородскаго государства. Съ своей же стороны, Татищевъ объявилъ, что въ Новгородѣ добра ждать нечего.

Въ началѣ іюня начальники ополченія разослали граматы по украинскимъ городамъ, державшимся Псковскаго вора, Марины и сына ея, съ увѣщаніемъ отстать отъ вѣдомаго вора и быть въ соединеньи съ ними: „объявляемъ вамъ, что 6-го іюня прислали къ намъ изъ-подъ Москвы князь Димитрій Трубецкой, Иванъ Заруцкій и всякіе люди повинную грамату, пишутъ, что они своровали, цѣловали крестъ Псковскому вору, а теперь они сыскали, что это прямой воръ, отстали отъ него и цѣловали крестъ впередъ другаго вора не затѣвать и быть съ нами во всемірномъ совѣтѣ." На этотъ разъ изъ подмосковскаго стана писали правду: 11-го апрѣля пріѣхалъ оттуда во Псковъ обознавать вора Иванъ Плещеевъ (тотъ самый, по заводу котораго весь подмосковный станъ присягнулъ 2-го марта Псковскому самозванцу). Плещеевъ, по словамъ лѣтописи, обратился на истинный путь, не захотѣлъ вражды въ родной землѣ и началъ говорить всѣмъ, что это истинный воръ. Очень можетъ быть, что несогласіе многихъ въ самомъ подмосковномъ станѣ, несогласіе сѣверо-западныхъ городовъ (такъ въ Тверь не пустили Плещеева, товарищамъ его и казакамъ хлѣба купить не дали) содѣйствовало обращенію Плещеева на истинный путь. Какъ бы то ни было, отказъ его признать вора произвелъ свое дѣйствіе: 18-го мая воръ рѣшился бѣжать изъ города вмѣстѣ съ воеводою княземъ Хованскимъ. Но Плещеевъ вошелъ въ переговоры съ Хованскимъ и убѣдилъ его отстать отъ вора. Самозванецъ бѣжалъ изъ города ночью одинъ, не успѣвъ осѣдлать коня и даже надѣть шапки. За нимъ бросились въ погоню, поймали и 20-го числа привели назадъ въ городъ и посадили въ палату, а 1-го іюля повезли въ Москву, гдѣ и казнили.

Но среди этихъ успѣховъ и въ самомъ Ярославлѣ

происходили смуты. Сюда явился изъ Казани извѣстный намъ Иванъ Биркинъ. Ему не удалось съ Шульгинымъ добиться того, чтобы Казань не послала вовсе людей для ополченія: казанцы хотѣли идти, и Биркинъ самъ повелъ ихъ, но въ дорогѣ настраивалъ ихъ противъ Пожарскаго и Минина. Шедшій съ нимъ татарскій голова Лукьянъ Мясной не потакалъ Биркину, и оба они были во взаимной враждѣ. Казанцы пришли въ Ярославль. Биркинъ, какъ начальникъ одного изъ собравшихся въ Ярославлѣ ополченій, сталъ добиваться участія въ совѣтѣ; а Мининъ, какъ личный его врагъ, вооружалъ противъ него бояръ и дворянъ: его не хотѣли допустить въ совѣтъ. Тогда Биркинъ ушелъ назадъ; за нимъ пошли казанцы. Остался только Лукьянъ Мясной съ 20-ю человѣками мурзъ и князей и съ 30-ю дворянами, да стрѣлецкій голова Постникъ Неѣловъ съ сотнею стрѣльцовъ *).

Однако смуты въ Ярославлѣ не прекратились и по уходѣ Биркина: начались споры и соревнованіе между начальниками о старшинствѣ, каждый изъ ратныхъ людей принималъ сторону своего воеводы, а разсудить было некому. Тогда придумали по старинѣ взять въ посредники, въ третейскіе судьи, духовное лицо и послали къ бывшему Ростовскому митрополиту Кириллу, жившему въ Троицкомъ монастырѣ, чтобъ онъ былъ на прежнемъ столѣ своемъ въ Ростовѣ. Кириллъ согласился, пріѣхалъ въ Ростовъ, потомъ въ Ярославль и сталъ укрѣплять людей: когда начинались моры, враждующія стороны должны были обращаться къ нему за совѣтомъ и судомъ.

---

*) Они пробыли въ Нижегородскомъ ополченіи до самаго конца похода; но по возвращеніи домой ихъ ждала плохая участь: Лукьяна Мяснаго и Постника Неѣлова Шульгинъ совсѣмъ уморилъ въ тюрьмѣ, и вообще всѣ они претерпѣли многія бѣды и напасти отъ казанскаго воеводы.

Въ іюлѣ въ Ярославль пріѣхали обѣщанные послы Новгородскіе: изъ духовныхъ—игуменъ Вяжицкаго монастыря Геннадій, изъ городовыхъ—дворянъ князь Ѳедоръ Оболенскій, да изо всѣхъ пятинъ изъ дворянъ и изъ посадскихъ людей по человѣку. Эти послы требовали, чтобы Московское государство было въ соединеніи съ нимъ, великимъ Новгородомъ, и признало бы государемъ выбраннаго имъ шведскаго королевича Филиппа. Переговоры, начавшіеся по этому поводу, кончились тѣмъ, что Пожарскій не согласился вступить ни въ какія обязательныя отношенія къ Швеціи. Но чтобы явнымъ разрывомъ не возбудить шведовъ противъ ополченія, положили отправить въ Новгородъ посла, Перфилья Секерина, для продленія времени, для того только, чтобы (какъ говоритъ лѣтописецъ) не помѣшали нѣмецкіе люди идти на очищеніе Московскаго государства, а того у нихъ и въ умѣ не было, чтобы взять на Московское государство иноземца. „Если, господа (писали начальники ополченія новгородцамъ), королевичъ, по вашему прошенью, васъ не пожалуетъ и въ Великомъ Новгородѣ нынѣшняго года по лѣтнему пути не будетъ, то во всѣхъ городахъ всякіе люди о томъ будутъ въ сомнѣніи. А намъ безъ государя быть невозможно: сами знаете, что такому великому государству безъ государя долгое время стоять нельзя. А до тѣхъ поръ, пока королевичъ не придетъ въ Новгородъ, людямъ Новгородскаго государства быть съ нами въ любви и совѣтѣ, войны не начинать, городовъ и уѣздовъ Московскаго государства къ Новгородскому государству не подводить, людей къ кресту не приводить и задоровъ никакихъ не дѣлать“.

Только 26-іюля ополченіе могло безъ помѣхи двинуться подъ Москву. И оно стало уже собираться въ походъ изъ Ярославля. Но въ это время случилось

происшествіе, которое произвело тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ, въ особенности же на главнаго вождя ополченія. Заруцкій употребилъ послѣднее средство—избавиться отъ Пожарскаго и разстроить ополченіе: онъ подослалъ къ Пожарскому убійцъ. Изъ подмосковнаго стана пріѣхали въ Ярославль двое казаковъ—Обреско и Степанъ. У нихъ были уже здѣсь соумышленники: Иванъ Доводчиковъ Смолянинъ, смоленскіе стрѣльцы Шанда съ пятью товарищами да рязанецъ Семенъ Хваловъ. Послѣдній жилъ на дворѣ у князя Пожарскаго, который кормилъ его и одѣвалъ. Злоумышленники придумывали разные способы умертвить Пожарскаго: хотѣли зарѣзать его соннаго, наконецъ рѣшили умертвить его гдѣ-нибудь на дорогѣ, въ тѣснотѣ. Однажды князь былъ въ съѣзжей избѣ, откуда пошелъ смотрѣть пушки, назначенныя подъ Москву, и разсуждалъ, какія взять съ собою подъ Москву, а какія оставить. Отъ тѣсноты онъ принужденъ былъ остановиться у разрядныхъ дверей, чтобы дать пройдти народу. Казакъ, именемъ Романъ, взялъ его за руку, вѣроятно, для того, чтобы помочь выдраться изъ толпы. Въ это время заговорщикъ казакъ Степанъ кинулся между ними, хотѣлъ ударить ножомъ въ животъ князя, но промахнулся и ударилъ Романа по ногѣ. Романъ упалъ и началъ стонать. Пожарскій никакъ не воображалъ, что ударъ былъ направленъ противъ него, думалъ, что несчастіе случилось по неосторожности въ тѣснотѣ, и хотѣлъ уже идти дальше; но народъ бросился къ нему съ крикомъ: „тебя хотятъ убить, князь?“ Начали искать и нашли ножъ, схватили убійцу, который на пыткѣ повинился во всемъ и назвалъ товарищей, которые также сознались. По приговору всей земли, преступниковъ разослали въ города по тюрьмамъ, нѣкоторыхъ же взяли подъ Москву на обличенье: тамъ они вторич-

но повинились предъ всею ратью и были прощены, потому что Пожарскій просилъ за нихъ. „А убить ни единаго не далъ князь Димитрій Михайловичъ“, прибавляетъ лѣтопись. Конечно, толпа не пощадила бы, по крайней мѣрѣ, главныхъ злодѣевъ. Но не кровь начинать шелъ Пожарскій, а умиротвореніе.

Между тѣмъ Заруцкій, подсылая тайно убійцъ, явно вмѣстѣ съ Трубецкимъ, отправилъ къ Пожарскому оффиціальныхъ пословъ съ извѣстіемъ, что Ходкевичъ приближается на помощь осажденнымъ въ Кремлѣ полякамъ съ войскомъ и припасами, и надобно Пожарскому съ ополченіемъ спѣшить къ Москвѣ. Послѣ этого нельзя было уже болѣе медлить. Пожарскій отправилъ передовые отряды—первый подъ начальствомъ воеводъ Михаила Самсоновича Дмитріева и Ѳедора Левашова: имъ было наказано, пришедши подъ Москву, не входить въ станъ къ Трубецкому и Заруцкому, но поставить себѣ особый острожекъ у Петровскихъ воротъ. Второй отрядъ былъ отправленъ подъ начальствомъ князя Димитрія Петровича Лопаты-Пожарскаго и дьяка Семена Самсонова, которымъ велѣно было стать также особо, у Тверскихъ воротъ.

Кромѣ извѣстія о движеніи Ходкевича была еще и другая причина спѣшить походомъ къ Москвѣ: надобно было спасти дворянъ и дѣтей боярскихъ, находившихся подъ Москвою, отъ буйства казаковъ. Украинскіе города, возбужденные граматами ополченія, выслали своихъ ратныхъ людей, которые пришли въ станъ къ Трубецкому и расположились въ Никитскомъ острогѣ. И было имъ отъ Заруцкаго и отъ казаковъ великое утѣсненіе. Несчастные украинцы послали въ Ярославль Кондырева и Бѣгичева съ товарищами просить, чтобы ополченіе шло подъ Москву немедленно спасти ихъ отъ казаковъ. Когда посланные увидѣли здѣсь, въ какомъ

довольствѣ и устройствѣ живутъ ратники новаго ополченія, то не могли промолвить ни слова отъ слезъ. Князь Пожарскій и другіе знали лично Кондырева и Бѣгичева, но теперь едва могли узнать ихъ: въ такомъ жалкомъ видѣ они явились въ Ярославль! Ихъ обдарили деньгами и сукнами и отпустили съ радостною вѣстію, что ополченіе выступаетъ къ Москвѣ. Но когда Заруцкій и казаки узнали, съ какими вѣстями возвратились Кондыревъ и Бѣгичевъ, то хотѣли убить ихъ, и они едва спаслись въ полкъ къ Дмитріеву, а товарищи ихъ, остальные украинцы, принуждены были разбѣжаться по своимъ городамъ. Разогнавъ украинцевъ, Заруцкій хотѣлъ и прямо помѣшать движенію ополченія: онъ отправилъ многочисленный отрядъ казаковъ перенять дорогу у князя Лопаты-Пожарскаго, разбить полкъ и умертвить воеводу. Но и этотъ замыселъ не удался: отрядъ Лопаты храбро встрѣтилъ казаковъ и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Наконецъ и главное ополченіе выступило изъ Ярославля. Отслуживъ молебенъ въ Спасскомъ соборѣ у гроба Ярославскихъ чудотворцевъ (знаменитаго князя Ѳеодора Ростиславича Чернаго и сыновей его Давида и Константина), взявъ благословеніе у митрополита Кирилла и у всѣхъ духовныхъ властей, Пожарскій вывелъ ополченіе изъ Ярославля.

V.

Я преслѣдую враговъ моихъ и настигаю ихъ,
и не возвращусь, доколѣ не истреблю ихъ.
Псал .17, ст. 38.

Отошедши 7 верстъ отъ Ярославля, войско остановилось на ночлегъ. Здѣсь Пожарскій, сдавъ рать князю Ивану Андреевичу Хованскому и Козьмѣ Минину, при-

казалъ идти въ Ростовъ и ожидать его тамъ, а самъ съ немногими людьми отправился поклониться гробамъ своихъ прародителей въ Суздаль, въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь, гдѣ впослѣдствіи довелось лежать и ему самому. То былъ благочестивый обычай, наблюдаемый въ княжескихъ родахъ предъ начатіемъ важныхъ дѣлъ. Какъ было заранѣе условлено, онъ нагналъ рать въ Ростовѣ. Въ этомъ городѣ къ ополченію присоединилось еще много ратныхъ людей изъ разныхъ областей, такъ что Пожарскій могъ послать отрядъ подъ начальствомъ Образцова въ Бѣлоозерскъ на случай враждебнаго движенія шведовъ. Предстояло сдѣлать еще одно важное распоряженіе: митрополитъ Кириллъ, бывшій въ Ярославлѣ посредникомъ и примирителемъ ссоръ между воеводами и ратными людьми, остался въ своей епархіи. Нужно было имѣть такое-же лицо подъ Москвою, гдѣ, вслѣдствіе сосѣдства Трубецкаго и Заруцкаго, предвидѣлось еще болѣе распрей и ссоръ. И вотъ 29-го іюля Пожарскій, отъ имени всѣхъ чиновъ людей, написалъ къ казанскому митрополиту Ефрему грамоту, въ которой, извѣщая его о мученической кончинѣ патріарха Гермогена, просилъ поставить избраннаго по общему приговору Сторожевскаго игумена Исаію митрополитомъ на Крутицы и отпустить его подъ Москву къ нимъ въ полки поскорѣе, да и ризницу дать ему полную, потому что церковь Крутицкая въ крайнемъ оскудѣніи и раззореніи.

Между тѣмъ Заруцкій, услыхавъ, что ополченіе двинулось отъ Ярославля, собрался съ преданными ему казаками (т. е. почти съ половиною всего войска, стоявшаго подъ Москвою) и двинулся въ Коломну, гдѣ жила Марина съ сыномъ; взявъ ихъ и разгромивъ городъ, онъ двинулся въ Рязанскія области, обозначая свой путь грабежемъ и раззореніемъ, и остано-

вился въ Михайловѣ. Казаки, оставшіеся съ Трубецкимъ подъ Москвою, отправили атамана Внукова въ Ростовъ просить Пожарскаго идти поскорѣе подъ Москву. Нужно, впрочемъ, сказать, что это посольство имѣло еще другую тайную цѣль: казакп хотѣли развѣдать, не затѣваетъ ли ополченіе чего-нибудь противъ нихъ. Но Пожарскій и Мининъ обошлись съ Внуковымъ и товарищами его очень ласково, одарили ихъ деньгами и сукнами и отпустили подъ Москву съ извѣстіемъ, что идутъ немедленно, и дѣйствительно, вслѣдъ за ними двинулись черезъ Переяславль къ Троицкому монастырю. *)

Прибывъ къ Троицѣ и встрѣченное съ великою честію, ополченіе 14-го августа расположилось между монастыремъ и Клементьевскою слободою. Это былъ послѣдній станъ до Москвы, предстояло сдѣлать послѣдній шагъ,—и ополченіемъ овладѣло раздумье: всѣ были „въ великой ужасти, какъ на такое великое дѣло идти!“ Боялись не осажденныхъ поляковъ, не гетмана Ходкѣвича,—боялись казаковъ. Пожарскій хотѣлъ стоять въ Троицкомъ монастырѣ нѣкоторое время, желая укрѣпиться съ подмосковными казачьими таборами, чтобы другъ на друга зла не умышлять. Въ самомъ ополченіи встала рознь: одни хотѣли идти немедленно подъ Москву; другіе не соглашались на это, говоря, что казаки манятъ князя Пожарскаго подъ Москву

---

*) Къ пребыванію князя Пожарскаго въ Ростовѣ относится посѣщеніе имъ затворника-прозорливца Иринарха, жившаго въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ на Устьѣ. Иринархъ, предсказавшій Василію Шуйскому бѣдствія Россіи и нашествіе поляковъ и смерть Сапѣги, благословилъ пришедшаго къ нему Пожарскаго крестомъ и предсказалъ ему полный успѣхъ, чѣмъ весьма ободрилъ его духъ. По окончаніи своего славнаго подвига, князь Пожарскій возвратилъ Иринарху крестъ и, въ знакъ уваженія и благодарности къ нему, освободилъ Борисоглѣбскій монастырь отъ доставленія припасовъ, собираемыхъ со всѣхъ по случаю войны.

для того, чтобы погубить его такъ же, какъ Ляпунова. Но скоро изъ Москвы явились дворяне и казаки съ вѣстію, что Ходкѣвичъ приближается и скоро будетъ въ Москвѣ. Пожарскому было уже не до уговора съ казаками. Пославъ на скоро передъ собою князя Туренина съ отрядомъ и приказавъ ему стать у Чертольскихъ (Пречистенскихъ) воротъ, онъ назначилъ 18-е августа днемъ выступленія всего ополченія къ Москвѣ. Въ день выступленія сердца ратныхъ людей—отъ Пожарскаго до послѣдняго человѣка—были исполнены тревожныхъ чувствъ. Отпѣвъ напутственный молебенъ у Чудотворца и благословившись у архимандрита, ополченіе выступило изъ монастыря; монахи провожали ихъ крестнымъ ходомъ. И вотъ, когда ратники двинулись по московской дорогѣ, сильный вѣтеръ подулъ имъ навстрѣчу отъ Москвы. Дурной знакъ! Сердца упали отъ нехорошаго предзнаменованія. Со страхомъ и тревогою подходили ратники къ образамъ святой Троицы, Сергія и Никона чудотворцевъ и прикладывались ко кресту изъ рукъ архимандрита, стоявшаго на горѣ Волкушѣ и кропившаго ихъ святою водою. Но когда этотъ священный обрядъ былъ конченъ, вѣтеръ вдругъ перемѣнился и съ такою силою подулъ въ тылъ войску, что всадники едва удержались на коняхъ. Тотчасъ же всѣ лица просіяли, вездѣ послышались обѣщанія: „Умремъ за домъ Пречистой Богородицы, за провославную христіанскую вѣру!“

Пожарскій предупредилъ Ходкѣвича и 20-го августа подходилъ къ разоренной столицѣ. Время склонялось уже къ вечеру, когда, не доходя 5-ти верстъ до Москвы, ополченіе становилось на рѣкѣ Яузѣ. Посланы были отряды къ Арбатскимъ воротамъ—развѣдать удобныя мѣста для стана. Когда они возвратились, исполнивъ порученіе, наступила уже ночь, и Пожарскій рѣ-

шился провести ее на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился. Трубецкой безпрестанно присылалъ звать Пожарскаго къ себѣ въ станъ; но воевода и вся рать отвѣчали: „отнюдь не бывать тому, чтобъ намъ стать вмѣстѣ съ казаками.“ На другой день утромъ, когда ополченіе подвинулось ближе къ Москвѣ, Трубецкой встрѣтилъ его съ своими ратными людьми и предлагалъ стать вмѣстѣ въ одномъ острогѣ, расположенномъ у Яузскихъ воротъ; но получилъ опять прежній отвѣтъ: „отнюдь намъ вмѣстѣ съ казаками не стаивать.“ Пожарскій расположился въ особомъ укрѣпленіи у Арбатскихъ воротъ. Трубецкой и казаки разсердились и „начали на Пожарскаго, на Козьму и на ратныхъ людей нелюбовь держать, что къ нимъ въ таборы не пошли.“

И вотъ подъ стѣнами Москвы стоятъ два ополченія, имѣющія, повидимому, одну цѣль—вытѣснить враговъ изъ столицы, а между тѣмъ питающія другъ къ другу вражду и недовѣріе. Однако, все-таки выше этой вражды и недовѣрія стояло неизгладимое сознаніе, что то и другое ополченіе состоитъ изъ братьевъ по крови и по вѣрѣ. Въ этомъ сознаніи заключался залогъ побѣды надъ общимъ врагомъ.

VI.

Пусть лютый врагъ, какъ левъ, зіяетъ:
Не страшенъ намъ злохитрый ковъ его!
За насъ молитвы цѣлаго народа,
Дѣтей и женъ, и старцевъ многолѣтнихъ,
И пѣнье иноковъ, и клиръ церковный,
Елей лампадъ, куреніе кадилъ!
За насъ угодники и чудотворцы,
И легіоны грозныхъ силъ небесныхъ,
Полкъ ангеловъ и Божья благодать!

Земское ополченіе стало станомъ, обогнувъ часть Бѣлогородской стѣны отъ Петровскихъ воротъ до Алексѣевской башни на Москвѣ-рѣкѣ. Главное ядро его было у Арбатскихъ воротъ: тамъ стояли Пожарскій и Мининъ. Заложивъ станъ, ратные люди стали копать около него ровъ и спѣшили работать, потому что постоянно выглядывали Ходкѣвича. Казаки занимали восточную сторону Бѣлаго-города и Замоскворѣчья. Въ послѣднемъ мѣстѣ имъ приходилось выдержать первый натискъ непріятеля. Все Замоскворѣчье было хорошо укрѣплено: прорыты были рвы, въ которыхъ должна была сидѣть казацкая пѣхота.

Черезъ день послѣ прибытія Пожарскаго, ратные люди увидѣли на западѣ приближающееся къ нимъ войско. Это былъ Ходкѣвичъ, съ которымъ, кромѣ стараго войска, шли новыя силы. Онъ везъ нѣсколько сотъ возовъ съ провіантомъ, который ему нужно было провезти въ Кремль и въ Китай-городъ осажденнымъ. Въ этомъ состояла вся задача его предпріятія. Чтобы преградить ему путь, Русское войско расположилось такъ: Пожарскій сталъ на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, у Новодѣвичьяго монастыря, а Трубецкой на правомъ, у Крымскаго двора, въ тылу переправы. Трубецкой прислалъ сказать Пожарскому, что для успѣшнаго нападенія на гетмана со стороны ему необходимо нѣсколько конныхъ сотенъ. Пожарскій выбралъ пять лучшихъ сотенъ и отправилъ ихъ на тотъ берегъ.

На разсвѣтѣ 21-го августа Ходкѣвичъ перешелъ Москву-рѣку у Новодѣвичьяго монастыря и напалъ на Пожарскаго. Бой продолжался съ 1-го часа по восходѣ солнечномъ до 8-го и грозилъ окончиться дурно для Пожарскаго: не выдержавъ натиска непріятеля, онъ принужденъ былъ отодвинуться къ Чертольскимъ воротамъ. Видя, что русская конница не въ состояніи

биться съ польскою и венгерскою конницею, неизмѣримо болѣе опытною и искусною, онъ велѣлъ всей своей рати сойдти съ коней и биться пѣшими. „И былъ бой зѣло крѣпокъ:“ хватались за руки съ врагами и сѣкли другъ друга безъ пощады... А на другомъ берегу ополченіе Трубецкаго стояло въ совершенномъ бездѣйствіи. Казаки спокойно смотрѣли на битву и еще подсмѣивались надъ дворянами: „богаты пришли изъ Ярославля,—отстоятся и одни отъ гетмана.“ Но не могли спокойно и равнодушно смотрѣть на битву головы тѣхъ сотенъ, которыя были отдѣлены къ Трубецкому изъ ополченія Пожарскаго: они двинулись на выручку своихъ. Трубецкой не хотѣлъ было пустить ихъ; но они его не послушались и быстро рванулись черезъ рѣку. Примѣръ ихъ увлекъ и нѣкоторыхъ казаковъ, которые пошли за ними, крича Трубецкому: „отъ вашей ссоры Московскому государству и ратнымъ людямъ пагуба становится!“ Появленіе свѣжаго войска рѣшило дѣло въ пользу Пожарскаго. Потерявъ надежду пробиться съ этой стороны къ Кремлю, Ходкѣвичъ отступилъ назадъ къ Поклонной горѣ. Съ другой стороны кремлевскіе поляки, сдѣлавшіе вылазку для очистки Водяныхъ воротъ, были побиты и потеряли знамена. Но въ ночь 400 возовъ съ запасами, подъ прикрытіемъ отряда изъ 600 человѣкъ, пробрались въ городъ: дорогу вдоль Москвы-рѣки указалъ русскій измѣнникъ, Григорій Орловъ. Стража, опередившая возы, успѣла пробраться въ городъ; но въ это время явились русскіе, начали сильную перестрѣлку и овладѣли возами съ провіантомъ.

23-го числа осажденные снова сдѣлали вылазку изъ Китая-города—и на этотъ разъ удачно: они переправились черезъ Москву-рѣку, взяли русскій острогъ, бывшій у церкви св. Георгія (въ Яндовѣ), и засѣли

тутъ, распустивъ на колокольнѣ польское знамя. А Ходкѣвичъ употребилъ этотъ день на передвиженіе своего войска отъ Поклонной горы къ Донскому монастырю, намѣреваясь пробиться къ городу по Замоскворѣчью черезъ нынѣшнія Ордынскую и Пятницкую улицы. По всей вѣроятности, онъ не надѣялся встрѣтить сильнаго сопротивленія со стороны стоявшихъ здѣсь казаковъ, бывъ наканунѣ свидѣтелемъ ихъ равнодушія и предполагая, что ополченіе Пожарскаго захочетъ отомстить казакамъ и, въ свою очередь, не пойдетъ къ нимъ на помощь. Самъ Трубецкой расположился по берегу Москвы-рѣки отъ (старыхъ) Лужниковъ; а казацкій отрядъ его сидѣлъ въ острогѣ у церкви св. Климента (на Пятницкой). Обозъ Пожарскаго былъ расположенъ подлѣ церкви Иліи Обыденнаго. Самъ же Пожарскій съ большею частію своего войска переправился на Замоскворѣчье, чтобы вмѣстѣ съ Трубецкимъ не пропускать Ходкѣвича въ городъ.

24-го числа, въ понедѣльникъ, на разсвѣтѣ, Ходкѣвичъ собралъ все войско и рѣшился идти на проломъ, чтобы во что бы то ни стало доставить осажденнымъ запасы. Начался бой и продолжался до 6-го часа по восхожденіи солнца. Поляки смяли русскихъ и втоптали ихъ въ рѣку, такъ что самъ Пожарскій съ своимъ полкомъ едва устоялъ и принужденъ былъ переправиться на лѣвый берегъ. Трубецкой съ своими казаками ушелъ за рѣку. Казаки покинули и Клементьевскій острожекъ, который тотчасъ же былъ занятъ поляками, вышедшими изъ Китая-города и распустившими свои знамена на церкви св. Климента. Видъ литовскихъ знаменъ на православной церкви сильно раздражилъ казаковъ: они съ яростію бросились опять къ покинутому острожку и выбили оттуда поляковъ, не ожидавшихъ такого внезапнаго нападенія. Когда же казаки увида-

ли, что бьются съ непріятелемъ одни, а дворяне Пожарскаго имъ не помогаютъ, они въ сердцахъ опять вышли изъ острога, ругая дворянъ: „чтожъ это? дворяне да дѣти боярскіе только смотрятъ на насъ, какъ мы бьемся и кровь за нихъ проливаемъ! Они и одѣты, и обуты, и накормлены, а мы и голы, и босы, и голодны. Не хотимъ за нихъ биться!“ Клементьевскій острогъ снова былъ занятъ поляками, и Ходкѣвичъ расположилъ свой обозъ у церкви св. великомученицы Екатерины (на Ордынкѣ).

Положеніе было страшное. Пожарскому дано было знать о волненіи казаковъ. Видя успѣхъ непріятеля, а съ другой стороны не видя возможности съ однимъ своимъ ополченіемъ поправить дѣло, Пожарскій и Мининъ рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству—привлечь казаковъ къ общему дѣлу. Посланъ былъ князь Димитрій Петровичъ Лопата-Пожарскій за троицкимъ келаремъ Авраміемъ Палицынымъ, который въ то время служилъ молебенъ въ обозѣ, у церкви Ильи Обыденнаго. Пожарскій упросилъ келаря отправиться въ станъ къ казакамъ и уговорить ихъ—идти противъ враговъ. Авраамій Палицынъ, взявъ съ собою нѣсколькихъ дворянъ, перешелъ на Замоскворѣчье, достигъ острожка и увидѣлъ толпу казаковъ, стоявшихъ надъ трупами литовцевъ. Онъ обратился къ нимъ съ такою рѣчью: „отъ васъ началось доброе дѣло, вамъ слава и честь. Вы первые возстали за христіанскую вѣру, претерпѣли и раны, и голодъ, и наготу. Слава о вашей храбрости и мужествѣ гремитъ въ отдаленныхъ государствахъ; на васъ вся надежда. Неужели же, братія милая, вы погубите все дѣло?“ Эта рѣчь растрогала казаковъ, и они закричали въ одинъ голосъ: „хотимъ умереть за православную вѣру! Иди, отче, къ нашимъ братіямъ—казакамъ въ станы и умоли ихъ идти на не-

вѣрныхъ. Мы пойдемъ и не воротимся назадъ, пока не истребимъ въ конецъ враговъ нашихъ!“ Палицынъ поворотилъ къ Москвѣ-рѣкѣ и увидалъ толпу казаковъ, возвращавшихся послѣ боя въ свой станъ. И этимъ произнесъ онъ горячее слово, и этихъ онъ тронулъ своимъ словомъ. „Кричите (говорилъ онъ) ясакъ: Сергіевъ! Сергіевъ! Чудотворецъ поможетъ; вы узрите славу Божію!“ Они отозвались всѣ однимъ восторженнымъ восклицаніемъ: „спѣшимъ пострадать за имя Божіе. Сергіевъ! Сергіевъ!“ Съ этимъ восклицаніемъ они поворотили къ острожку на бой. Затѣмъ Палицынъ перешелъ рѣку, достигъ казацкаго табора и увидалъ толпу упрямыхъ: они пьянствовали и играли въ зернь. И этихъ онъ такъ тронулъ своимъ задушевнымъ словомъ, что они бросили свои забавы, схватились за оружіе и съ крикомъ: „Сергіевъ! Сергіевъ!“ пустились въ бой. Видя общее движеніе казаковъ, ополченіе Пожарскаго такъ же двинулось впередъ съ другой стороны. Клементьевскій острожекъ былъ опять отбитъ, причемъ однихъ венгровъ было побито 700 человѣкъ. Потомъ пѣшіе засѣли по рвамъ, ямамъ, въ крапивѣ и вездѣ, гдѣ только можно было попрятаться, чтобы не пропустить въ городъ польскихъ запасовъ. Однако большой надежды на успѣхъ не было ни въ комъ. Всѣ крѣпко молились, полагаясь лишь на милость Божію, и всею ратью дали обѣщаніе поставить три храма: во имя Срѣтенія Богородицы, Іоанна Богослова и Петра Митрополита, да поможетъ Богъ одолѣть врага.

День склонялся къ вечеру. Господь услышалъ вопль призывающихъ Его съ вѣрою, говоритъ лѣтопись, и послалъ свыше помощь—слабаго и къ ратному дѣлу неискуснаго: Господь охрабрилъ нижегородца Козьму Минина Сухорука, отъ него же перваго началось и собраніе этого ополченія на спасеніе и очищеніе госу-

дарства. При этомъ лѣтописецъ какъ бы съ радостію восклицаетъ: „да не похвалятся сильные своею силою и не говорятъ, что такъ это мы совершили. Не въ крѣпкой силѣ пребываетъ Господь, но въ творящихъ Его волю“. Мининъ задумалъ самъ ударить на враговъ, пришелъ къ князю Пожарскому и сталъ просить людей, чтобы промыслить надъ гетманомъ. „Бери, кого хочешь!“ отвѣтилъ князь. Мининъ взялъ роту ротмистра Хмѣлевскаго (перебѣжчика поляка) да дворянъ три сотни. На томъ берегу, у Крымскаго двора (церковь Іоанна Воина), стояли двѣ гетманскія роты, конная и пѣшая. Переправясь за рѣку Мининъ съ великою прыткостью ударилъ на эти роты. Онѣ испугались и, не дожидаясь удара отъ русскихъ, бросились бѣжать къ гетманскому стану, причемъ одна рота смяла другую. Мининъ еще прытче погналъ за ними *). Тогда наши ратные, засѣвшіе въ ямахъ и въ крапивѣ, услыша крики битвы и видя, что Козьма съ великимъ стремленіемъ гонитъ поляковъ, всѣ, въ одинъ часъ, отъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ скрывались, повскакали, какъ одинъ человѣкъ, и ринулись на гетманскій станъ. За пѣшими двинулось и все конное ополченіе. Поляки не могли выдержать этого дружнаго натиска. Потерявъ 500 человѣкъ, Ходкѣвичъ вышелъ изъ Екатерининскаго стана и отступилъ на Воробьевы горы. Разгоряченные русскіе ратники и казаки хотѣли преслѣдовать поляковъ; но осторожные воеводы остановили ихъ, говоря: „довольно! не бываетъ въ одинъ день по двѣ радости; какъ бы послѣ радости горя не отвѣдать“. Однако, расположивъ казаковъ и стрѣльцовъ по городскому рву, они велѣли всю ночь держать неумолкаемую стрѣль-

---

*) Въ этой схваткѣ на глазахъ Минина былъ убитъ племянникъ его, бывшій вмѣстѣ съ нимъ въ ополченіи.

бу изъ ружей. Такая была стрѣльба, что не было слышно, кто что говоритъ; а огонь и дымъ стояли, какъ отъ великаго пожара. Ходкѣвичъ, отодвинувшись къ Донскому монастырю, всю ночь стоялъ на коняхъ, ожидая новаго нападенія, а на разсвѣтѣ побѣжалъ совсѣмъ отъ Москвы.

Такимъ образомъ Ходкѣвичъ оставилъ Москву, не достигнувъ своей цѣли: запасы, которые онъ везъ своимъ осажденнымъ соотечественникамъ, достались русскимъ.

VII.

Съ Богомъ мы окажемъ силу; Онъ низложитъ враговъ нашихъ.

Псал. 107, ст. 14.

Съ уходомъ Ходкѣвича изъ-подъ Москвы, положеніе осажденныхъ сдѣлалось безнадежнымъ. Русскіе рѣшили стѣснить ихъ окончательно. Кремль и Китай-городъ были заперты со всѣхъ сторонъ. На Замоскворѣчьи, въ чертѣ Деревяннаго города, стояли казаки; на другой сторонѣ русскіе выкопали глубокій ровъ, заплели высокій плетень въ два ряда и насыпали земли между его стѣнами. Въ трехъ мѣстахъ были построены туры, съ которыхъ палили въ городъ: около Пушечнаго двора (на сѣверо-западной сторонѣ), у Георгіевскаго дѣвичьяго монастыря и на Кулишкахъ у Всѣхъ Святыхъ.

Казалось бы, въ виду славнаго и радостнаго дѣла—успѣха надъ врагами, должна была смолкнуть всякая злоба, всякій раздоръ. Но корень смуты не исчезалъ: онъ, какъ огонекъ, тлѣлся подъ пепломъ общаго разгрома.

И прежде всего начальники стали между собою не въ совѣтѣ. Трубецкой началъ величаться своимъ боярствомъ (пріобрѣтеннымъ у Тушинскаго вора) и потребовалъ отъ Нижегородской рати, отъ князя Пожарскаго и отъ торговаго человѣка Минина и ото всѣхъ, чтобы пріѣзжали къ нему на совѣтъ, какъ къ честнѣйшему, въ его таборы. Но къ нему никто не ѣхалъ,— не потому, чтобы не хотѣли ему воздать честь, а боялись отъ казаковъ убійства. Была всѣмъ очень памятна смерть Ляпунова, къ которому на защиту не вышелъ Трубецкой, не заступился за него.

Затѣмъ скоро явились новые поджигатели вражды— Василій и Иванъ Шереметевы, князь Григорій Шаховской (извѣстный старый заводчикъ смутъ), князь Иванъ Засѣкинъ и Иванъ Плещеевъ (тоже уже знакомый намъ). Они возстановляли казацкихъ атамановъ, а чрезъ нихъ и всѣхъ казаковъ противъ земства и особенно противъ князя Пожарскаго. „Намъ не платятъ за службу (кричали казаки); дворяне обогащаются, получаютъ помѣстья въ Русской землѣ; а мы наги, босы и голодны.“ Одни намѣревались уйдти въ Украйну, другіе грозили напасть на дворянъ, ограбить ихъ достояніе и самихъ убить. Среди неурядицъ и волненія, келарь Авраамій отправился къ Троицѣ, и тамъ архимандритъ держалъ совѣтъ со старцами, какъ дѣлу помочь. Денегъ въ обители не было, но оставались нетронутыми церковныя облаченія, вышитыя золотомъ, саженныя жемчугами. Троицкія власти отправили ихъ въ залогъ казакамъ на 1000 рублей и обѣщали выкупить въ скоромъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ было отправлено къ казакамъ убѣдительное воззваніе, въ которомъ восхвалялось ихъ мужество и доблести. Когда Троицкая грамота была прочитана въ казацкомъ кругу, казаки были до того тронуты, что рѣшили отправить

назадъ присланныя въ залогъ церковныя вещи. „Мы все сдѣлаемъ по прошенію Троицкихъ властей (сказали они). Какія скорби и бѣды ни пришлось бы намъ терпѣть, все выстрадаемъ, а отсюда не отойдемъ, не взявъ Москвы и не отомстивъ врагамъ за пролитіе христіанской крови.“ Съ такимъ отвѣтомъ поѣхали къ Троицѣ двое атамановъ.—Еще разъ Троицкая лавра оказала великую услугу бѣдствующему отечеству!

Съ казаками уладили. Теперь оставалось уладить дѣло между начальными людьми осаждающей рати. Общимъ приговоромъ порѣшили устроить совѣтные съѣзды на Трубѣ (на Неглинной), почти на срединѣ между казацкими таборами и Нижегородскимъ ополченіемъ. Здѣсь воеводы—Трубецкой и Пожарскій съ выборнымъ человѣкомъ Козьмою установили одно правительство: перенесли сюда разрядъ и другіе приказы, и всякія дѣла стали дѣлать заодно, о чемъ и написали въ города грамоты, присовокупивъ, что если которыя грамоты будутъ приходить къ нимъ отъ кого-либо одного изъ воеводъ, то тѣмъ грамотамъ не вѣрить, и свои грамоты также писать на имя обоихъ воеводъ. О томъ же соединеніи правящей власти были посланы грамоты и особо отъ всей рати, для увѣренія.

15-го сентября Пожарскій послалъ въ городъ къ осажденнымъ полякамъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Намъ вѣдомо, что вы, будучи въ Кремлѣ въ осадѣ, терпите немѣрный голодъ и великую нужду и ожидаете день со дня своей погибели, а крѣпитесь потому, что Николай Струсь и московскіе измѣнники Ѳедька Андроновъ съ товарищи упрашиваютъ васъ, ради живота своего; и хотя Струсь учинился у васъ гетманомъ, но не можетъ васъ спасти. Сами видѣли, какъ гетманъ приходилъ и какъ отъ васъ ушелъ со срамомъ и со страхомъ; а мы еще были тогда не со всѣми силами.

Объявляемъ вамъ, что черкасы, которые были съ паномъ-гетманомъ, ушли отъ него разными дорогами; дворяне и дѣти боярскіе, ржевичи, старичане и прочихъ ближнихъ городовъ взяли въ плѣнъ живьемъ пятьсотъ человѣкъ, а самъ гетманъ съ своимъ полкомъ, съ пѣхотою и съ служимыми людьми ушелъ въ Смоленскъ 13-го сентября, и въ Смоленскѣ нѣтъ ни души: всѣ воротились съ Потоцкимъ на помощь гетману Жолкѣвскому, котораго турки разбили. Королю вашему Жигимонту приходится теперь о себѣ самомъ помышлять, кто бы его отъ турокъ избавилъ. Жолнеры Сапѣги и Зборовскаго въ Польшѣ разоренія чинятъ. Такъ вы не надѣйтесь, чтобы къ вамъ кто пришелъ на помощь. Все горе стало отъ неправды короля вашего Жигимонта и польскихъ и литовскихъ людей, нарушившихъ крестное цѣлованіе. И вамъ бы въ той неправдѣ душъ своихъ не губить и нужды такой и голоду за нихъ не терпѣть. Присылайте къ намъ, не мѣшкайте; сохраните свои головы, а я беру васъ на свою душу и всѣхъ ратныхъ людей своихъ упрошу: кто изъ васъ захочетъ въ свою землю идти, тѣхъ отпустимъ безъ всякой зацѣпки; а которые сами похотятъ Московскому государству служить, тѣхъ пожалуемъ по достоинству; а кому изъ вашихъ людей не на чемъ будетъ ѣхать или идти не въ силахъ будетъ отъ голода, мы подмогу дадимъ, и какъ вы изъ города выйдете, мы прикажемъ противу вамъ выйдти."

На это великодушное предложеніе польскіе предводители написали гордый и грубый отвѣтъ, отвергая предложеніе сдаться, какъ измѣну, и укоряя московскихъ людей въ вѣроломствѣ по отношенію къ своимъ государямъ. Осажденные надѣялись, что вернется гетманъ. Проходили недѣли,—гетмана не было. Русскіе палили съ своихъ туръ, направляя выстрѣлы больше

всего на башни: крѣпкимъ стѣнамъ ничего нельзя было сдѣлать, а въ средину опасно было пускать ядра, чтобы не повредить церквей. На Замоскворѣчьи по всей линіи стояли казаки. Несмотря на то, что гарнизонъ былъ такимъ образомъ окруженъ русскими, оставалась возможность сношеній. 6-го октября жолнеры могли еще выслать двухъ товарищей съ извѣстіемъ, что они не могутъ ждать болѣе недѣли и должны будутъ умереть съ голоду. Отвѣта не было: некому было дать его,—гетманъ былъ далеко. Осажденные оставлены были на погибель.

Черезъ недѣлю послѣ этого голодъ достигъ ужасающихъ размѣровъ. „Въ исторіи нѣтъ подобнаго примѣра (говоритъ современный дневникъ); писать трудно, что̀ дѣлалось. Осажденные переѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей; грызли разваренную кожу съ обуви— и этого не стало; грызли землю, въ бѣшенствѣ объѣдали себѣ руки, выкапывали изъ могилъ гніющіе трупы, и съѣдено было такимъ образомъ до 800 труповъ, и отъ такого рода пищи и отъ голода смертность увеличивалась.“ При съѣденіи умершихъ соблюдался строевой порядокъ. За подлежащаго съѣденію товарища велись процессы, шло разбирательство, кто имѣетъ право его съѣсть. Въ одной ротѣ гайдуки съѣли умершаго товарища. Тогда родственники умершаго принесли жалобу ротмистру, что они имѣли право его съѣсть по правамъ родства; а гайдуки доказывали, что товарищи по службѣ имѣютъ на это болѣ права, находясь съ нимъ въ одномъ десяткѣ. Ротмистръ не зналъ, какъ разсудить ихъ, и опасаясь, чтобы раздраженные приговоромъ не съѣли судью, бѣжалъ отъ нихъ. Стали и живые бросаться на живыхъ, сначала на русскихъ, потомъ уже безъ разбора пожирали другъ друга. Сильный зарѣзывалъ и съѣдалъ слабаго; одинъ

съѣлъ сына, другой—слугу, третій—мать. Иные пере-
скакивали черезъ кремлевскія стѣны и убивались или
счастливо спускались и отдавались русскимъ. Добро-
душные кормили ихъ и потомъ посылали къ стѣнамъ
уговаривать товарищей сдаться.

Скучая осадой, русскіе хотѣли кончить скорѣе и ста-
ли рыть подкопъ подъ Китай-городъ, но неискусно:
какъ ни истощены были поляки, но умѣли найдти и
уничтожить его, залили водой и поймали подкопщика.
Однако это не помогло полякамъ удержать Китай-го-
родъ. 22-го октября Трубецкой, стоявшій становъ на
восточной сторонѣ Китай-города, ударилъ на приступъ.
Голодные не могли защищаться и ушли въ Кремль. Рус-
скіе вошли въ Китай-городъ, и первое что они тамъ
увидѣли, были—чаны, наполненные человѣчиною.

Въ Китай-городъ внесли съ торжествомъ Казанскую
икону Богоматери и дали обѣтъ построить церковь во
имя ея. Эта церковь впослѣдствіи дѣйствительно и по-
строена и до сихъ поръ служитъ памятникомъ избав-
ленія царствующаго града Москвы и отечества отъ по-
поляковъ. *) Тогда, чтобы избавить себя отъ много-
людства, отъ лишнихъ ртовъ, поляки выпустили изъ
кремля женщинъ и дѣтей: то были жены и дѣти бояр-
скія. Съ большимъ сочувствіемъ къ Пожарскому лѣто-
писцы описываютъ поведеніе его при сдачѣ поляками

---

*) Теперь это—Казанскій соборъ, находящійся на Кремлевской площади, про-
тивъ кремлевскихъ Никольскихъ воротъ. Въ память избавленія Москвы отъ по-
ляковъ, въ 1613 году установлено совершать ежегодно 22-го октября въ Моск-
вѣ празднованіе Казанской иконы Богоматери съ крестнымъ ходомъ, который
первоначально совершаемъ былъ въ церковь Введенія Божіей Матери на Лубян-
кѣ, гдѣ находится домъ князя Пожарскаго; когда же иждивеніемъ этого князя
построенъ былъ Казанскій соборъ, крестный ходъ стали совершать (и соверша-
ютъ до сихъ поръ) въ этотъ соборъ. Сюда же въ 1633 году перенесена самимъ
княземъ изъ его дома Казанская икона Богоматери, бывшая съ нимъ въ похо-
дахъ.

Кремля. *) Великородные бояре, продававшіе постоянно отечество, очень опечалились, боясь безчестья и всякаго насилія своимъ женамъ со стороны осаждавшаго ихъ войска. Къ кому было обратиться, кто бы защитилъ ихъ отъ позора и взялъ на свои руки? Бояре послали просить объ этомъ прямо къ Пожарскому и къ Козьмѣ, здѣсь они надѣялись найдти добрыхъ людей. Пожарскій не только исполнилъ ихъ просьбу, но, во время выхода боярынь изъ Кремля, самъ выѣхалъ къ нимъ, встрѣтилъ и принялъ *честью*, съ почетомъ, проводилъ каждую въ безопасное мѣсто къ ихъ знакомымъ и велѣлъ обезпечить ихъ содержаніе. Казаки хотѣли за это убить Пожарскаго: они собирались грабить боярынь-измѣнницъ.

Распустивъ женщинъ, кремлевскіе сидѣльцы послали къ русскимъ предводителямъ пословъ; просили пощады, объявили себя военноплѣнными и выговорили одно только условіе, чтобы сдавшимся оставили жизнь. 24-го октября поляки отворили ворота на Неглинную (Троицкія) и стали выпускать бояръ и русскихъ людей (князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, Ивана Михайловича Воротынскаго, Ивана Никитича Романова съ племянникомъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и матерью послѣдняго Марѳою Ивановною и другихъ). И въ этомъ случаѣ Пожарскій явился защитникомъ несчастныхъ и беззащитныхъ. Принять бояръ онъ пришелъ съ своимъ полкомъ. Это было на Каменномъ мосту, у Троицкихъ воротъ Кремля. Какъ только казаки завидѣли выходящихъ бояръ, они тоже поднялись всѣмъ полкомъ, вооружились, распустили знамена и хотѣли броситься на

---

*) Эти сказанія дороги, какъ свидѣтельства, что и русскимъ людямъ XVII вѣка вовсе не было чуждо сочувствіе къ истинно благороднымъ, человѣчнымъ поступкамъ.

нихъ, однако были удержаны отъ этого ополченіемъ Пожарскаго. Казаки покричали, пошумѣли и ушли въ свои таборы. Пожарскій и Мининъ съ честью проводили бояръ въ свой земскій станъ.

На другой день, 25-го октября, отворились всѣ ворота Кремля. Земское войско собралось близъ церкви Іоанна Милостиваго на Арбатѣ, войско Трубецкаго— за Покровскими воротами. И оттуда, и отсюда пошли архимандриты, игумены, священники съ крестами и иконами въ Китай-городъ; за ними двигалось войско. Оба шествія сошлись на Лобномъ мѣстѣ. Здѣсь запѣли молебенъ. Въ главѣ духовенства стоялъ доблестный архимандритъ Діонисій, нарочно прибывшій изъ своей обители. Затѣмъ изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу элассонскій архіепископъ Арсеній съ кремлевскимъ духовенствомъ, неся чудотворную Владимірскую икону Божіей Матери. Соединившись, все духовенство вошло въ Кремль и совершило въ Успенскомъ соборѣ литургію и благодарственный молебенъ.

И въ Кремлѣ, какъ и въ Китай-городѣ, русскіе увидѣли чаны съ человѣчьимъ мясомъ, слышали стоны и проклятія умиравшихъ въ мукахъ голода. Горько тронуло русскихъ опустошеніе церковныхъ и царскихъ сокровищъ. Поляки побросали оружіе и ждали своей судьбы. Все имущество плѣнныхъ было сдано въ казну. Мининъ распоряжался отборомъ, и все это отдали казакамъ въ награду. Тѣ плѣнники, которые достались на долю Пожарскаго и земскихъ людей, уцѣлѣли: ихъ отправили въ разные города. Но казаки не вытерпѣли и, въ противность крестному цѣлованію, перебили чуть не всѣхъ поляковъ, доставшихся имъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ народъ хотѣлъ перебить плѣнниковъ, препровожденныхъ туда; и когда воеводы стали не давать

ихъ, народъ до того озлился, что чуть-было самимъ воеводамъ не досталось. Насилу мать Пожарскаго уговорила нижегородцевъ.

Въ то время какъ полумертвые отъ голоду кремлевскіе сидѣльцы сдавались русскимъ, польскій король Сигизмундъ выступилъ въ походъ на Москву вмѣстѣ съ королевичемъ Владиславомъ. Сначала вѣсть объ этомъ сильно всполошила русскихъ. Но тревога оказалась напрасною. Король не могъ собрать большаго войска и двинулся съ ничтожными силами, думая, что ему легко будутъ покоряться русскіе города, но ошибся въ разсчетѣ. Послалъ онъ посольство въ Москву—уговаривать московское войско признать Владислава. Но это посольство даже и въ Москву не было допущено. На поклонъ къ Сигизмунду или Владиславу никто не являлся. Походъ по безлюдной и раззоренной странѣ не представлялъ ничего привлекательнаго. По всѣмъ путямъ бродили ненавистные полякамъ шиши, хватали и убивали польскихъ солдатъ, когда тѣ ходили на поиски за продовольствіемъ. Попытался—было король взять Волокъ-Ламскій, да не могъ. Кончался уже ноябрь и наступила лютая зимняя стужа. Пришлось Сигизмунду вернуться въ Польшу.

Москва была очищена отъ враговъ и стала довольно быстро обстраиваться. Теперь надо было выполнить вторую половину задачи, ради которой поднялась русская сила съ Мининымъ и Пожарскимъ—выбрать своего Русскаго царя и положить конецъ всякимъ происканъ поляковъ и шведовъ. Когда Делагарди прислалъ сказать, что королевичъ Филиппъ ѣдетъ уже въ Новгородъ, то въ отвѣтъ на это въ Москвѣ послу сказали: „у насъ и на умѣ того нѣтъ, чтобъ намъ взять иноземца на Московское государство!“

По всѣмъ городамъ разосланы были грамоты, чтобы въ Москву немедленно присылали выборныхъ людей, крѣпкихъ и разумныхъ, духовныхъ лицъ, дворянъ, боярскихъ дѣтей, торговыхъ, посадскихъ уѣздныхъ людей. Когда выборные съѣхались, назначенъ былъ трехдневный строжайшій постъ. Служили по церквамъ молебны, чтобы Богъ вразумилъ выборныхъ. Постановили прежде всего, чтобы отнюдь не выбирать ни иноземца, ни сына Марины. Когда начались выборы, то происходило не мало смуты и волненія. Хотя чаще всего слышалось имя юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, но нашлись между боярами честолюбцы, сильно домогавшіеся получить царскій вѣнецъ, засылавшіе своихъ людей къ выборнымъ, пытавшіеся подкупить голоса. Были сторонники у князя Василія Васильевича Голицына, который въ то время съ митрополитомъ Филаретомъ былъ въ рукахъ у поляковъ. Нашлись лица, говорившія, что слѣдуетъ возвратить вѣнецъ Василію Ивановичу Шуйскому. Говорили и въ пользу избранія на престолъ старика князя Воротынскаго. Казалось, снова настанутъ неурядицы въ Москвѣ, на радость врагамъ. Но, къ счастію для Русской земли, пререканія и волненія были только въ средѣ именитыхъ людей, бояръ и сановниковъ: дворяне, служилые люди, народъ и казаки стояли за Михаила Ѳеодоровича. Толпа дворянъ, боярскихъ дѣтей и казацкихъ старшинъ обратились къ Авраамію Палицыну, который жилъ тогда въ Москвѣ на Троицкомъ подворьи, представили ему челобитную со множествомъ подписей и просили его, чтобы онъ предъявилъ ее всему собору, боярамъ и всѣмъ земскимъ людямъ. Въ челобитной говорилось, что всѣ просятъ избрать Михаила Ѳеодоровича. Авраамій передалъ собору эту грамату. Въ это же время прибылъ посолъ изъ Калуги съ челобитной отъ всѣхъ

калужанъ и жителей сѣверскихъ городовъ: всѣ они желали на царство Михаила.

Въ недѣлю православія, 21-го февраля 1613 года, вышли на Красную площадь рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, келарь Авраамій Палицынъ, бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ и хотѣли спрашивать множество народа, нарочно собраннаго для этого. Но имъ не довелось сказать ни одного слова. Народъ какъ только увидалъ и догадался, зачѣмъ его собрали и что у него хотятъ спрашивать, въ одинъ голосъ закричалъ: „Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ будетъ царь-государь Московскому государству и всей Русской державѣ!“

„Се бысть по смотрѣнію Всевышняго Бога!“ сказалъ тогда Авраамій Палицынъ.

Затѣмъ отслужили молебенъ и на ектеніяхъ поминали новоизбраннаго царя Михаила Ѳеодоровича.

—

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей жизни и судьбѣ двухъ главныхъ героевъ нашего разсказа и о томъ, чѣмъ увѣковѣчена память объ нихъ и о подвигѣ ихъ въ потомствѣ.

1) Начнемъ съ земскаго старосты и говядаря — Минина.

11-го іюля происходило вѣнчаніе на царство юнаго Михаила Ѳеодоровича, а на слѣдующій день были царскія именины. *) Царь-именинникъ пожаловалъ Козьму Минина въ думные дворяне и подарилъ ему домъ въ Нижнемъ-Новгородѣ (противъ Спасо-Преображенскаго собора) и вотчину—село Богородицкое, за то (какъ сказано въ жалованной грамотѣ) „что онъ съ боярами,

---

*) 12-го іюля празднуется Церковію память преподобнаго Михаила Малеина.

воеводами и ратными людьми пришедъ подъ Москву и Московское государство очистилъ. *).

Въ 1615 году Мининъ подалъ царю челобитную на притѣсненія воеводами его родственниковъ и крестьянъ, жившихъ въ Нижнемъ Новгородѣ, и вслѣдствіе этой челобитной послана была въ Нижній Новгородъ грамата, по которой сынъ, братья и крестьяне Минина освобождались отъ суда въ Нижнемъ, кромѣ дѣлъ татебныхъ и разбойныхъ, и должны были судиться въ Москвѣ.

Въ 1616 году Мининъ скончался и погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ.

Послѣ Козьмы Захарьевича осталась жена его Татьяна (неизвѣстно когда умершая и гдѣ погребенная) и сынъ Нефедъ. Вотчина Минина, село Богородицкое съ деревнями, пожалована царемъ его прямымъ наслѣдникамъ; равнымъ образомъ подтверждена и прежняя грамата, по которой дядя Нефеда съ крестьянами должны судиться только въ Москвѣ. Нефеда Козьмича Минина мы встрѣчаемъ три раза въ оффиціальныхъ памятникахъ: въ 1625 году, по случаю отпуска персидскаго посла, въ числѣ стряпчихъ съ платьемъ на восьмомъ мѣстѣ; въ слѣдующемъ 1626 году—на свадьбѣ царской, у государева фонаря; наконецъ въ 1628 г. онъ упоминается въ послѣдній разъ, по случаю представленія персидскаго посла. Погребенъ Нефедъ близь своего отца.

Во время турецкой войны за Малороссію (въ 1673—1681 гг.) мы встрѣчаемся съ фамиліей Минина въ лицѣ внука Козьмы Захарьевича, Михаила Леонтьева,

*) Въ 1614 году мы встрѣчаемъ подпись Минина (на девятнадцатомъ мѣстѣ) въ отвѣтной граматѣ польскимъ панамъ, упрекавшимъ русскихъ въ дурномъ обхожденіи съ плѣнными поляками. (На десятомъ мѣстѣ въ этой же граматѣ—подпись Д. Т. Трубецкаго, на одиннадцатомъ—Д. М. Пожарскаго).

получившаго въ награду отъ царя Θеодора Алексѣевича помѣстье за отличіе въ битвахъ съ турками и крымцами.

Правнукъ спасителя отечества, Алексѣй Мининъ, служившій при Елизаветѣ Петровнѣ въ офицерскихъ чинахъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, императрицею Екатериной II возведенъ въ дворянское Россійской имперіи достоинство (6-го іюня 1786 г.) „за службу дѣда Михаила и пращура Козьмы Мининыхъ.“

Говорятъ, что и до сихъ поръ существуютъ родственники Минина въ лицѣ казанскихъ купцовъ Подсѣвальщиковыхъ. Затѣмъ купеческую фамилію Мининыхъ, существующую въ городѣ Балахнѣ, производятъ отъ одного изъ братьевъ Козьмы Захарьевича.

Войдемъ въ Спасо-Преображенскій соборъ, гдѣ покоится прахъ знаменитаго нижегородца, спасителя отечества. На лѣвой сторонѣ, за второю колонною, между гробницами митрополита Павла и архіепископа Питирима, видна доска съ краткою, но краснорѣчивою надписью: „Гражданинъ Козьма Мининъ.“ Самая гробница Минина (вмѣстѣ съ гробницами удѣльныхъ князей, княгинь и архіереевъ) находится въ подземной церкви Спасо-Преображенскаго собора. Эта церковь напоминаетъ пещеру: она почти лишена дневнаго свѣта, и желающіе осмотрѣть ее зажигаютъ свѣчи и такъ сходятъ въ подземелье. Въ этой церкви устроены три придѣла: во имя Казанской иконы Божіей Матери, святыхъ Безсребренниковъ Косьмы и Даміана и святаго Великомученика Димитрія Солунскаго. Главный храмъ во имя Казанской иконы Божіей Матери напоминаетъ праздникъ, установленный въ память избавленія Москвы и Россіи отъ поляковъ, совершеннаго главнымъ образомъ усиліями Минина и Пожарскаго. Правый придѣлъ во имя св. Великомученика Димитрія Со-

лунскаго напоминаетъ знаменитое имя князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, а лѣвый—Козьмы Захарьевича Минина. Нижегородская усыпальница до 1851 г. была просто сырымъ и холоднымъ подваломъ. Желая почтить своего знаменитаго земляка, нижегородцы устроили въ усыпальницѣ трехпрестольный храмъ, который и былъ освященъ въ 1851 году преосвященнымъ Іереміею. Въ этомъ подземномъ храмѣ ежедневно совершается ранняя обѣдня, а 22 октября отсюда ежегодно совершается крестный ходъ къ памятнику Минина и Пожарскаго, при огромномъ стеченіи народа. Въ лѣвомъ придѣлѣ въ честь святыхъ Безсребренниковъ Косьмы и Даміана, гдѣ покоятся семь архіереевъ, погребенъ Козьма Мининъ. На гробницѣ его находится слѣдующая надпись:

Избавитель Москвы, отечества любитель
И издыхающей Россіи оживитель.
Отчизны красота, поляковъ страхъ и месть,
Россіи похвала и вѣчно слава—честь,
Се Миновичъ Козьма здѣ тѣломъ почиваетъ:
Всякъ истинный кто Россъ да прахъ его лобзаетъ.

Отправляясь въ персидскій походъ, Петръ I въ 1722 году, въ день своего рожденія, 30-го мая, слушалъ въ соборѣ обѣдню, самъ пѣлъ на клиросѣ, а потомъ присутствовалъ на панихидѣ по Мининѣ, по окончаніи которой поклонился въ землю передъ гробницею его и сказалъ: „Здѣсь лежитъ избавитель Россіи.“ Императоръ Николай I, будучи въ 1836 году 15-го августа въ Нижнемъ-Новгородѣ, также слушалъ панихиду по Мининѣ, назвавъ его „знаменитѣйшимъ“ изъ всего сословія купеческаго.

24 августа 1878 года освященъ памятникъ надъ могилою Минина. Памятникъ находится у сѣверной стѣ-

ны Спасо-Преображенскаго каѳедральнаго собора и имѣетъ видъ часовни, возвышающейся въ верхней церкви надъ отверстіемъ, проходящимъ сквозь своды подвальнаго этажа, куда ведутъ двѣ лѣстницы до самой гробницы Минина. Надъ могилой помѣщенъ величественный саркофагъ изъ кіевскаго лабрадора, съ надписью: *Преставился о Господѣ думный дворянинъ Козьма Мининъ Сухорукъ лѣта 7124 (1616).* На стѣнѣ надъ саркофагомъ возвышается, въ мраморномъ кивотѣ, съ золотою рѣзьбою, пожертвованная для украшенія памятника Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ (нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ III), икона Святыхъ Безсребренниковъ Косьмы и Даміана; предъ нею теплится изящная, въ видѣ креста, лампада. Икона эта помѣщается подъ сѣнью, находящагося въ верхней церкви, списка съ священнаго для каждаго русскаго стяга (знамени), подъ знаменіемъ котораго князь Пожарскій и Мининъ вели нижегородскія дружины къ Москвѣ. *) Въ нижнемъ этажѣ церкви, въ великолѣпной склеповой части памятника, начертаны слова лѣтописца: „Бысть въ лѣто 1612 на Москвѣ бояре и вся люди московскіе избраху на Московское государство литовскаго королевича Владислава. Литовскіе же люди на Москвѣ сидяху и начаша умышляти, како Московское государство раззорити, подъ Москвою же люди о томъ скорбяху и плакахуся, а помощи никто же можеше содѣяти.“ Нижняя часть памятника изящно украшена, а на стѣнахъ ея, на вьющихся хартіяхъ, русской вязью изложена, по лѣтописцу, вся исторія похода нижегородскаго ополченія въ 1612 году.

---

*) Самое знамя (подлинникъ), найденное въ селѣ Пурихѣ, съ 1827 года хранится въ Москвѣ.

2. Сподвижникъ Минина, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, пережилъ его 26-ю годами.

Въ день вѣнчанія Михаила Ѳеодоровича на царство, 11-го іюля 1613 года, вождю-освободителю сказано было боярство: изъ стольниковъ онъ былъ пожалованъ прямо въ бояре и затѣмъ при совершеніи царскаго коронованія онъ держалъ яблоко (державу). Кромѣ того ему были еще пожалованы помѣстья: въ Московскомъ уѣздѣ село Вельяминово и въ Суздальскомъ—Холуи.

Но спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого Пожарскому пришлось отдать дань мѣстничеству (старинному обычаю считаться заслугами и чинами своихъ предковъ). Вотъ какъ было дѣло. 6-го декабря царь, жалуя боярство Борису Салтыкову, приказалъ князю Пожарскому оффиціально объявить ему эту милость. Но Пожарскій отказался отъ этого, считая, что меньше Салтыкова ему быть „невмѣстно“, и подъ предлогомъ болѣзни уѣхалъ изъ Москвы въ деревню. Салтыковъ принялъ это за оскорбленіе своего рода и подалъ царю челобитную, доказывая, что „князю Д. М. Пожарскому можно быть не только меньше его, Бориса, но даже меньше его брата многими мѣстами.“ Дѣло было разслѣдовано, и Салтыковъ оказался правъ. Пожарскій былъ присужденъ къ обычному въ то время за такія преступленія наказанію—выдачѣ головою Салтыкову. *)

*) Выданный головою, приходилъ въ домъ къ обиженному съ присланнымъ отъ царя дьякомъ или сыномъ боярскимъ. Здѣсь онъ долженъ былъ поклониться хозяину въ землю и, прося у него прощенія, не вставать до тѣхъ поръ, пока не умилостивитъ его. Обиженный съ велерѣчивою важностью вычиталъ лежащему у ногъ его обидчику свои неудовольствія, укоряя за безчестіе, нанесенное его роду. Послѣ того какъ этотъ выслушаетъ съ покорностію и смиреніемъ всѣ упреки, обиженный, промолвивъ, что „повинную голову мечъ не сѣчетъ“, подавалъ ему руку и помогалъ встать на ноги. Пожарскаго водилъ на дворъ Салтыкова Перфилъ Секеринъ.

Тѣмъ не менѣе это унизительное наказаніе не имѣло никакого вліянія на судьбу Пожарскаго и не лишило его царской довѣренности: онъ продолжалъ быть виднымъ дѣятелемъ на разныхъ поприщахъ службы.

Въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича Русскую землю приходилось еще очищать отъ польскихъ, казацкихъ и разбойничьихъ шаекъ. Въ 1615 году Пожарскій былъ отправленъ противъ польскаго наѣздника Лисовскаго, усилившагося въ сѣверной странѣ, и преслѣдовалъ его изъ одного мѣста въ другое съ такою неутомимостью, что проходилъ въ сутки по 150 верстъ; но зато самъ, истомленный невѣроятно быстрою погонею за самымъ неутомимымъ изъ наѣздниковъ, слегъ отъ тяжкой болѣзни и отвезенъ былъ въ Калугу.

Въ 1617 году онъ участвовалъ въ заключеніи вѣчнаго мира со Швеціей въ селѣ Столбовѣ.

Въ 1618 году Пожарскій былъ отправленъ царемъ для укрѣпленія Можайска и Калуги противъ польскаго короля Владислава, шедшаго въ Москву съ Ходкевичемъ, съ намѣреніемъ—силою овладѣть Московскимъ престоломъ. Дорогобужъ и Вязьма были уже покинуты своими воеводами и сдались Владиславу, какъ царю Московскому; но Калуга съ Можайскомъ, защищенные Пожарскимъ, остались тверды. За всѣ эти службы Пожарскій получилъ кубокъ серебряный позолоченный съ покрышкою, вѣсомъ въ три гривенки 36 золотниковъ и шубу—атласъ турецкій на соболяхъ, пуговицы серебряныя золоченыя.

Въ силу перемирія, заключеннаго съ поляками (1-го декабря 1618 года) въ деревнѣ Деулинѣ (въ 3-хъ верстахъ отъ Троицы), возвращался изъ плѣна отецъ государя, митрополитъ Филаретъ. Для встрѣчи его былъ отправленъ въ Можайскъ Пожарскій (вмѣстѣ съ Ря-

занскимъ архіепископомъ Іосифомъ) съ привѣтствіемъ отъ сына. При посвященіи Филарета Никитича въ патріархи, въ сентябрѣ 1619 года, Пожарскому за дѣятельное участіе въ послѣдней войнѣ пожалованы: село, проселокъ, сельцо и четыре деревни.

Съ 1621 по 1628 годъ Пожарскій засѣдалъ въ Разбойномъ приказѣ.

Не смотря на мѣстническія книги и челобитныя, въ которыхъ значилось, что Пожарскіе—люди „неразрядные“, князь Димитрій Михайловичъ на обѣихъ свадьбахъ царя Михаила Ѳеодоровича занималъ видныя мѣста, именно—втораго дружка съ государевой стороны, а жена его, княгиня Прасковья Варѳоломеевна, была второй свахой съ государевой стороны.

Въ 1628 году Пожарскій былъ назначенъ воеводою въ Новгородъ Великій, а въ 1635 году получилъ назначеніе въ Судный московскій приказъ. Въ 1637 году ему поручено имѣть главный надзоръ надъ работами по возведенію землянаго вала вокругъ всей столицы, на случай набѣговъ крымскихъ татаръ; по окончаніи этихъ работъ, онъ былъ отправленъ съ войскомъ въ Рязань для отраженія варваровъ—опустошителей.

Подъ 1641 годомъ имя Пожарскаго встрѣчается въ послѣдній разъ за царскимъ столомъ, а въ 1642 году онъ скончался въ глубокой старости и погребенъ въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевскомъ монастырѣ.

* * *

Въ Москвѣ на срединѣ Красной площади, противъ Кремля, стоитъ вылитый изъ бронзы (художникомъ Екимовымъ, по проекту Мартоса) памятникъ гражданину Козьмѣ Минину и воеводѣ князю Пожарскому. Мининъ стоитъ передъ больнымъ княземъ Пожарскимъ, указываетъ на Кремль и, вручая ему мечъ отъ лица

отечества и щитъ съ изображеніемъ Спасителя, какъ бы говоритъ: „Поспѣшимъ спасти Москву и отечество!“ Взоры сидящаго на постели Пожарскаго обращены къ небу и выражаютъ молитву: „Боже Спаситель нашъ! Ополчи немощную руку мою и благослови начинаніе наше!“ Подножіе памятника украшаютъ двѣ бронзовыя выпуклыя картины (барельефы). На одной представлено, какъ нижегородцы сносятъ на площадь свое имущество и ведутъ сыновей своихъ для всеобщаго вооруженія; на другой изображено бѣгство поляковъ изъ Кремля и преслѣдованіе ихъ нашими воинами. На памятникѣ надпись: *„Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія, лѣта* 1818.“ (Сближеніе событій „французскаго“ 1812 года съ событіями „польскаго“ 1612 года воскресило въ памяти потомства имена и подвигъ главныхъ дѣятелей разсмотрѣннаго нами времени и родило мысль о созданіи имъ достойнаго памятника).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ есть также памятникъ Минину и Пожарскому. Онъ поставленъ въ Кремлѣ на крутомъ обрывѣ берега и представляетъ собою гранитный обелискъ въ 30 футовъ высоты, покоющійся на двойномъ, также гранитномъ, подножіи (пьедесталѣ). На одной сторонѣ памятника сдѣлано выпуклое изображеніе Козьмы Минина, съ обнаженной головой; надъ головой изображены два генія, держащіе вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ; внизу подпись: „Гражданину Минину благодарное потомство, 1826 года.“ Съ другой стороны—изображеніе князя Пожарскаго въ шлемѣ и латахъ и также подпись: „Князю Пожарскому благодарное потомство, 1826 года.“

Буде Богъ пошлетъ,
И нашимъ подвигомъ мы Русь избавимъ,
Великую отъ Бога примемъ милость

За избавленье христіанскихъ душъ,
И во вся роды, въ будущіе вѣки,
Къ навѣчной похвалѣ намъ учинится,
На славу намъ и на поминъ душъ нашихъ.

Приложеніе I.

Видѣніе Григорію въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ 1611 году сталъ ходить по рукамъ свитокъ, о которомъ говорили, что онъ неизвѣстно откуда взялся подобно древнимъ свиткамъ, спадавшимъ—какъ гласили преданія—съ неба. Въ этомъ свиткѣ было написано: „Въ Нижнемъ-Новгородѣ мужу, по имени Григорію, было видѣніе въ полунощи, снялся верхъ избы его въ полунощи, просіялъ на него свѣтъ чудесный, и въ свѣтѣ томъ явилось два мужа: одинъ сѣлъ у груди Григорія, другой сталъ у него въ головахъ. И тотъ, который стоялъ, сказалъ сидящему: Господи, что сидишь и не повѣдаешь ему? Тогда сидящій сказалъ: Если люди по всей Русской земли покаются и станутъ поститься три дня и три нощи не только старые и молодые, но и младенцы, тогда Московское государство очистится. На это стоящій сказалъ: Господи, если очистится Московское государство, какъ имъ дать царя? Сидящій отвѣчалъ: Пусть поставятъ новый храмъ Троицы на рву и положатъ харатью на престолѣ, а въ той харатьѣ будетъ написано, кому быть царемъ у нихъ. Стоящій спросилъ:—Господи, а если не покаются, что надъ ними будетъ? Сидящій отвѣчалъ: если не покаются и не станутъ поститься, то всѣ погибнутъ и царство раззорится.—Потомъ видѣніе исчезло, верхъ избы покрылся снова“.

Приложеніе II.

Увѣщательная грамота Троицкаго монастыря.

Православные христіане! вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать во Святую Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой; молите служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ предателей христіанскихъ—Михайлы Салтыкова и Ѳедьки Андронова и противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и и литовскихъ людей. Сами видите близкую конечную погибель всѣхъ христіанъ. Гдѣ только завладѣли люди въ какихъ городахъ, какое раззореніе учинилось Московскому государству! Гдѣ святая церковь? Гдѣ Божіи образа? Гдѣ иноки, цвѣтущіе многолѣтними сѣдинами, гдѣ и хорошо-украшенные добродѣтелями? Не все ли до конца раззорено и обречено злымъ поруганіямъ? Гдѣ народъ общій христіанскій? Не всѣ ли скончались лютою и горькою смертію? Гдѣ безчисленное множество христіанскихъ чадъ въ городахъ и селахъ? Не всѣ ли безъ милости пострадали и разведены въ плѣнъ? Не пощадили престарѣвшихъ возрастомъ, не устрашились сѣдинъ многолѣтнихъ старцевъ, не сжалились надъ ссущими млеко незлобивыми младенцами. Не всѣ ли испили чашу ярости и гнѣва Божія? Помяните и смилуйтесь надъ видимою нашею смертною погибелью, чтобъ и васъ не постигла такая лютая смерть. Бога ради, положите подвигъ своего страданія,

чтобъ вамъ и всему общему народу, всѣмъ православнымъ христіанамъ, быть въ соединеніи, и служилые люди одинолично, безъ всякаго мѣшканья, поспѣшили подъ Москву на сходъ, ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ, ко всему смиренству народа всего православнаго христіанства. Сами знаете: ко всякому дѣлу едино время надлежитъ; безвременное же начинаніе всякому дѣлу бываетъ суетно и бездѣльно. А если есть въ вашихъ предѣлахъ какое-нибудь недоволье, Бога ради, отложите это на время, чтобъ вамъ всѣмъ съ ними заодно получить подвигъ свой и страдать за избавленіе православной христіанской вѣры, покамѣстъ они (т. е. враги) въ долгомъ времени гладнымъ утѣсненіемъ боярамъ и воеводамъ и всѣмъ ратнымъ людямъ какой-нибудь порухи не учинили. И если мы совокупленнымъ единогласнымъ моленіемъ прибѣгнемъ ко всещедрому Богу и ко Пречистой Богородицѣ, Заступницѣ вѣчной рода христіанскаго, и ко всѣмъ святымъ, отъ вѣка Богу угодившимъ, и обще обѣщаемъ сотворить подвигъ и пострадать до смерти за православную истинную христіанскую вѣру, неотложно милостивый Владыка Человѣколюбецъ отвратитъ праведный гнѣвъ свой и избавитъ нашедшей лютой смерти и вѣчнаго порабощенія безбожнаго латинскаго. Смилуйтесь и умилитесь, незакосненно, сотворите дѣло сіе избавленія ради христіанскаго народа, ратными людьми помогите, чтобъ нынѣ подъ Москвою, скудости ради, не учинилось какой-нибудь порухи боярамъ и воеводамъ и всякимъ воинскимъ людямъ. О томъ много и слезно всѣмъ народомъ христіанскимъ вамъ челомъ бьемъ.

